

Г Е Р О И Н

Антонина ДельвиГ

Антонина Дельви́г

Героин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39438833

ISBN 9785449384386

Аннотация

«Повесть настолько захватывающая, что на наш взгляд не уступает Агате Кристи» – от редакции к первому изданию. Действие разворачивается на Тайском острове Пукет в роскошном отеле на берегу моря. Герои Маша и ее брат Арсений не успевают насладиться отдыхом, как умирает одна из постоялец отеля Барби. Смерть от передозировки героином – так решает полиция. Затем происходит еще одна смерть, и полиция снова не предпринимает никаких действий. Тогда уже Арсений и Маша сами берутся за расследование.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	54
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Героин

Антонина Дельви́г

© Антонина Дельви́г, 2018

ISBN 978-5-4493-8438-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Он настолько хорош! Не пробуй его даже однажды...» –

совет наркомана, употребляющего героин внутривенно.

Опиум получают из головок опиумного мака, Papaversomniferum. Это растение культивировалось древними цивилизациями Месопотамии, Персии и Египта. Археологические раскопки свидетельствуют, что неандертальцы по всей видимости использовали мак уже более тридцати тысяч лет назад. Первое письменное упоминание – на клинописной шумерской табличке, датированной около 4,000 до Рождества Христова.

Морфин (Morphius, греческий бог сна) получен из опия в 1803 году в Германии.

Героин (название произведено от слова hero, герой) впервые был синтезирован из морфина с помощью добавления ко второму двух ацетиловых групп в 1874г в поисках «чистого наркотика», не вызывающего побочных эффектов в виде

привыкания и др. Использовался как средство против опишной и морфийной зависимости. Хейнрик Дрезер, сотрудник немецкой фирмы «Bayer», протестировал этот новый полусинтетический наркотик на животных, людях и главным образом на себе, объявил его эффективным средством при бронхите, астме и туберкулезе. Скоро фирма «Bayer» с энтузиазмом продавала героин в десятки стран как «средство от кашля». Очень рекомендован детям, в том числе, грудничкового возраста, как нежное успокаивающее средство, вдобавок сберегающее нервы матерям. Только со временем врачи заметили, что больные стали поглощать неоправданно большие дозы этого нежного средства. Но лишь спустя пятнадцать лет, в 1913г, фирма «Bayer» прекратила производство героина и, вычеркнув этот эпизод из своей официальной истории, сфокусировалась на своем втором блокбастере, аспиристине.

Глава 1

В иллюминатор, конечно, можно было смотреть, но довольно скучно: куда ни глянь, во все стороны, белое, белое и белое... С синеватыми тенями и залежами светло-серого вдоль холмов и других неровностей ландшафта. С тонкими царапинами зимних дорог и трещинками скованных льдом речек. Унылая картина. Хотя, безусловно, красиво. Величественно. И белые облака... Маша отвернулась от окна. Несколько часов лета – а все одно и то же, от самой от Москвы.

– Похоже, мы с тобой родились в морозильной камере, – вздохнув, сообщила Маруся младшему брату, который, перелистывая какую-то книжонку, потягивал в соседнем кресле апельсиновый сок.

– Совершенно с тобой согласен, – рассеяно кивнул Арсюша, потом оживился. – В режиме глубокой заморозки, как в хорошем профессиональном холодильнике, – добавил он. – Три звездочки – это минус восемнадцать... По шесть градусов на звездочку. А у нас бывает сорок градусов... даже сорок два. Сорок два делим на шесть – будет семь. Это значит – семь звездочек. Бывают такие холодильники?

– Откуда мне знать? – пожала Маша плечами.

– В каком-нибудь промышленном хранилище, наверное, бывают... И надо же, ничего-то нам не делается! До чего все-

таки мы живучие.

– Так не на улице живем. И тепло одеты.

– Все равно. Прямо как мастодонты какие-то! Как мамонты.

– Мамонты давным-давно вымерли.

– Вот-вот, я как раз об этом и говорю. Они, бедолаги, вымерли, а нас, таких маленьких и лысых ничего не берет! Нас можно только дустом!

– Я не лысая, – с достоинством поправила Маша. – Наоборот, у меня длинные волосы, да и у тебя тоже, – она дернула брата за прядь белокурых нестриженных волос.

– Не придирайся. Тело-то у нас, согласишься, пока не покрылось шерстью, а? Или у тебя уже покрылось?

Маша только фыркнула. С подростком совершенно невозможно разговаривать.

– Вот видишь! Возразить-то нечего. Но тебе, шерстяная моя, лишь бы спорить.

– Зато скоро, через каких-нибудь пять часов, мы окажемся в стране, где всегда-всегда лето, а снега отродясь никто не видел, – попыталась закруглить глупую тему Маруся. – Представляешь, снег для них – как волшебство!

– Ага, как для нас отсутствие оного... Но подмечено точно, – Арсений потряс в воздухе цветной книжонкой, которую до того листал, – только что здесь, в путеводителе, прочитал... в частности, в Бангкоке, даже существует специальный аттракцион для тех, кто желает понять, что же это за штука

такая, зима. И как раз-таки в виде большой морозилки, куда тебя запускают, предварительно выдав резиновые сапоги, и взяв с тебя за это сумасшедшее удовольствие десять долларов. Пользуется большим спросом. Скидываешь свои шлепанцы, надеваешь на босы ноги галоши и, хватаясь за обледенелые поручни, оскальзываясь на заиндевелом железном трапе, смело пробираешься вперед, к острым ощущениям! Может, посетим аттракцион, как ты считаешь? Вот приземлимся, схватим такси – и айда! Правда, тут пишут, придется постоять в очереди.

– Нет уж, спасибо!

Марусю буквально передернуло от подобной перспективы. Не от того, конечно, что в очереди придется стоять – хотя и этого тоже не хочется – а от всего ранее перечисленного.

– Как хочешь... Но согласись, было бы прикольно!

– Я, знаешь ли, еду в Таиланд за теплом, а не за приколами, – пробурчала Маша. – Потом мы прилетаем сразу на Пхукет, а не в Бангкок. К счастью.

– Не коверкай язык, – посоветовал брат. – Остров Пу-у-укет, а вовсе не Пхукет какой-то... Острова Ко-Пи-Пи! Не Пхи-Пхи, как хотелось бы некоторым ханжам. Надо смотреть правде в глаза.

– Ну тебя, – отмахнулась Маша. – Везде так написано.

– Мало ли что бывает написано на стене в общественном сортире, ты же не веришь! По крайней мере, не всему.

– Это было написано не в сортире! – возмутилась Маша.

– А где? – бросил брат с невинным видом.

– Буквально во всех рекламных буклетах, что я читала...

– Не вижу особой разницы.

Маруся насупившись, промолчала. Бессмысленно спорить с неугомонным подростком, это она прекрасно знает, все равно последнее слово останется за ним. Сложный возраст...

– Официант, шампанского! – обратился Арсений к проходящему мимо стюарду.

Молодой высокий парень, очень коротко стриженный, идеально выбритый, в хорошо сшитой форме, усмехнувшись, только кивнул.

– Нет, ты вконец обнаглел! Ты как себя ведешь! – возмущенно зашипела Маша. – Во-первых, он не официант... Во-вторых, тебе пятнадцать лет! Что ты себе позволяешь?

– Положим, почти уже шестнадцать... Осталось терпеть всего какой-то жалкий месяц, а потом я получу паспорт и ты, Машенька, будешь мне уже не указ! Вот так-то... Стану хлестать шампанское когда и сколько захочу!

– По-моему до восемнадцати нельзя...

– Это, к счастью, только по-твоему. К тому же, как ты верно подметила, нехорошо обижать людей. Он ведь уже сколько раз предлагал нам выпить хоть чего-нибудь? Нужно же бедолаге как-то выполнять свои обязанности.

С этим трудно было спорить: самолет еще только вырывался на взлетную полосу, как пассажирам первого класса

уже принесли легкие закуски, а дернуть рюмку-другую – коньяка, вина ну или на худой конец пропустить кружечку пива, действительно, предлагали довольно навязчиво. Остальные пассажиры – их было всего-то пять, меньше чем пустующих мест – не протестовали, ели и пили практически без остановки. По крайней мере, так казалось. И нате вам, стюардесса уже снова выкатывает сервировочный столик. Сейчас на нем высится горка дымящихся блинов, вокруг расположились розетки с черной икрой и завитушками сливочного масла, в каждой уютно поблескивает маленькая ложечка. Невозможно отказаться!

– Ну ладно, – вздохнула Маруся, – хотя бы не на голодный желудок. Только совсем немножко, слышишь? По-моему, с твоими лекарствами нельзя алкоголь...

– Правильно, алкоголь нельзя, – глядя на нее своими чистыми серыми глазами, вполне серьезно согласился брат, – а шампанское можно.

Как раз при этих его словах из-за занавески вынырнул стюард. Продемонстрировав им бутылку, он с легким хлопком вытянул из горлышка пробку, разлил пенящееся вино в две высокие рюмки, после чего поднес их на маленьком подносе. Маше было уже неудобно отказываться, и она тоже взяла предложенный бокал. Отпив маленький глоток, она засмотрелась на поднимающиеся пузырьки; промчавшись сквозь золотистую толщу жидкости, те с легким шуршанием лопались на поверхности, обдавая губы и нос колючей

душистой влагой... До чего все-таки бытие странная штука, – подумалось ей. Ведь еще только прошлой весной жизнь казалась конченной. Бесповоротно. Она была очень больна, брат – в инвалидной коляске... Все это с ними случилось после аварии, в которой погибли их родители. Арсений повредил тогда позвоночник, а Маша с горя заболела и почти год провела в больнице – она не могла есть. Желудок возвращал любой проглоченный кусок, и это ее заболевание с красивым названием *anogexia nervosa* вполне могло окончиться смертью... Голодной смертью. Потом дядя Олег – старший брат мамы – отправил их двоих на средиземноморский остров: он рассчитывал, что перемена места окажет положительное воздействие. Так и получилось. Но совсем не просто... Вследствие цепочки ужасных, трагических событий, заставивших ее тогда очень страдать, Маруся неожиданно оказалась наследницей миллионного состояния, – это раз, совершенно выздоровевшей – это два, и сверх того по уши влюбленной. Удивительно, да? Более того: Арсений, который влез в расследование убийства, едва не погиб, но после полученного шока снова начал чувствовать свои ноги! Ну не странно ли? Потом была Швейцария, успешная операция – и теперь он ходит. Правда, пока, конечно, с тростью, прихрамывает, часто бывают боли... но ходит же! Счастье... И вот они с ним пьют шампанское на борту самолета, несущего их в теплые края. Спустя неделю туда приедет и Анри, который пока в Париже, улаживает какие-то дела... Теперь

они с братом могут путешествовать по миру сколько душе угодно... Тем более что успели намерзнуться в Москве. Целых два месяца ушло на выбор и покупку квартиры для дяди Олега с тетей Валечкой, которые чуть костью не полегли, поднимая на ноги племянников, и которые, конечно же, ни в коем случае не могли принять настолько дорогой подарок – поэтому пришлось самолично мотаться по городу, искать. А это оказалось куда как непросто: ведь она просто обязана была найти самое лучшее. Да, вот что еще очень странно – нет ограничения в деньгах... какие-то другие ограничения, конечно, существуют, но не это... Странно. Но к хорошему привыкаешь быстро.

– Так будешь со мной чокаться или нет? – нетерпеливо потребовал братец. – Я могу приохотиться пить в одиночестве. Сопьюсь из-за тебя к семнадцати годам!

Само собой Арсюша постарался чокнуться с таким звоном, что на них все покосились. Этого ему только и требовалось.

– Мягкой тебе высадки из самолета! – громко, в расчете на то, что все слушают, пожелал он. – И кстати, если ты везешь с собой наркотики, имей в виду, в Таиланде за это смертная казнь.

– Твое здоровье, – безнадежно вздохнув, отозвалась Маша.

В салоне к концу полета стало довольно душно, но когда,

попрощавшись с услужливыми стюардами и пройдя по громадной гофрированной трубе, протянувшейся от самолета к зданию аэропорта, они оказались в помещении, выяснилось, что здесь ничем не лучше. Здесь было как в бане! Нет, конечно, не в самой парилке, а как в предбаннике, где тепло и влажно. Если еще точнее – в предбаннике каких-нибудь больших общественных Сандунов, где полностью никогда не просыхает, плохо проветривают, поэтому потягивает затхлостью. Потом стало ясно, что не проветривают никогда: повсюду кондиционеры, и окна наглухо закрыты. Глупо их открывать, когда на улице еще жарче.

Таможенный досмотр прошли быстро, и паспорта их украсились по-восточному затейливыми малиновыми штампами, подтверждающими въезд в Таиланд и право пребывания в стране сроком не более чем на два месяца. Маруся во все глаза рассматривала местных работников аэропорта, с которыми приходилось объясняться скорей знаками, чем словами – английский, на котором они все якобы разговаривали, на деле оказался каким-то диковинным птичьим языком, с налета не поддающимся расшифровке. Тайцы были очень смуглые – в желтизну, с густыми черными прямыми волосами, а Маша вдруг впервые в жизни почувствовала себя крупной особой. Росту в ней было метр шестьдесят пять, что по нынешним меркам совсем даже и не много, а за время своей болезни она стала более чем субтильной, но пока все встреченные мужчины-тайцы оказались мельче нее! Да-

же вроде поуже в плечах. Что касается талии...

– Приятно ощущать себя великаном, – пробормотал за ее плечом Арсюша, очевидно, размышляя о том же самом.

– Тебе хорошо! А мне даже неудобно как-то... Интересно, кем мы им кажемся? – Маша кивнула на толпу рослых соотечественников, ожидавших с паспортами в руках своей очереди. – Вот приехала группа потомков Гаргантюа... или, может, внуки Гулливера?

– Не думаю, что им известны данные персонажи, – с сомнением покачал головой брат. – Скорее, из местной мифологии. К примеру, нашествие каких-нибудь белоголовых асуров или гигантских дэвов, что-то в этом роде.

– То есть, ты думаешь, с их точки зрения мы уроды? – расстроилась Маша.

– Можешь не сомневаться. Ты-то – точно! Другое дело – я. Для женщины крупный мужчина – это всегда хорошо, но, согласишься, не наоборот.

Маруся окинула критическим взглядом хрупкие плечи подростка, он был лишь на пару сантиметров выше нее. На крупного мужчину парень пока явно не натягивал.

– Честно тебе скажу, вряд ли я смог бы влюбиться в девушку, которая на целую голову длинней, – продолжал гнуть свою линию братец. – У меня развился бы целый букет комплексов на эту тему, кому это нужно? К примеру, взять ту высокую, бесспорно очень милостивую девушку. Справа от нас... Ну ту, что вжалась сейчас в столб, очевидно наме-

реваясь с ним слиться... она летела одним с нами рейсом. В Москве эта красотка наверняка разгуливает по подиуму и чувствует себя вполне комфортно, а здесь над ней уже всю хихикают.

Маруся проследила за его взглядом. Действительно, две молоденькие тайки, сидевшие за стойкой справочной, буквально прыскали в ладошки, глядя на высокую девушку.

– Ну и ладно, – пробормотала Маруся. – Слава богу, не навсегда... Кажется, это наши чемоданы.

Она поискала глазами носильщика, но не обнаружила никого похожего. Подошла поближе к поскрипывающей ленте транспортера. Придется самой. Арсюше пока нельзя поднимать больше килограмма, причем, строго-настрога, что на деле очень сложно соблюдать, ведь даже обычный графин с соком тяжелее, и об этом надо постоянно помнить. Практически же ему можно брать в руки только чашку, тарелку супа или книгу, да и то не слишком большую. Не энциклопедический словарь, например. Пришлось даже поменять его обожаемый компьютер на новый – маленький Sony, размером с небольшую книжку. Можно было купить и совсем крошечный – рядом в витрине стояли очень хорошенькие компьютеры, буквально игрушечные, Маше они так понравились, но братец ни в какую не соглашался, уперся намертво, заявив, что ему вполне достаточно дуры-сестры, и без тормознутого компьютера-идиота он уж как-нибудь обойдется. Потом долго еще жаловался на чудовищную, по его словам, по-

теру мощности.

Наконец Маруся сдернула с транспортера подъехавший чемодан. Со вторым ей помог какой-то мужчина. Она поблагодарила и отправилась на поиски тележки. Арсений тем временем успел уже достать из своего чемодана пижонскую трость – старинную, из темной вишни с серебряным набалдашником, выполненным в виде змеиной головы с рубиновыми глазками – очень дорогую, купленную в Париже на аукционе, и теперь придирчиво ее осматривал: он всю дорогу волновался за ее сохранность. В самолет с тростью не пустили, сказали, что по существующей инструкции подобную вещь положено расценивать как холодное оружие, мол, теперь с этим очень строго. Пришлось сдать драгоценность в багаж. Хорошо хоть на его компьютер не посягнули, иначе с братцем точно приключилась бы истерика.

Колесо тележки поскрипывало и застревало, приходилось делать усилие, чтобы толкать ее вперед, но не идти же теперь за другой... Арсений, прихрамывая, важно вышагивал рядом, по-петушиному надменно поглядывая вокруг. В черных джинсах и черной же рубашке, с разобранными на прямой пробор длинными светлыми волосами, с антикварной тростью в руке – он разительно отличался ото всех окружающих, как чужестранцев, так и единоплеменников. Вокруг сгустилась толпа встречающих, и Маша внимательно смотрела по сторонам; нет ли у кого таблички с их фамилией в руках – она оплатила проезд до гостиницы еще в Москве, что-

бы не дай бог не потеряться в чужой стране.

– Постой-ка здесь с вещами, – наконец попросила она брата. – Я схожу поменять деньги. В крайнем случае, возьмем такси.

Полученную пачку разноцветных банкнот – они назывались баты – положила прямо в сумку, в кошелек деньги все равно не влезали, ни по размеру, ни по объему.

– Ну что ж, – нерешительно пробормотала Маруся. – Выходим?

– Да уж пора бы, – насмешливо отозвался брат. – Смело вперед! Кстати, рекомендую снять тележку с тормоза, так будет проще катить.

Маша смущенно охнула – в самом деле, какая глупость! – после чего дело пошло на лад. Она на большой скорости преодолела стеклянные двери и остановилась снаружи.

Вот теперь они точно оказались в парилке. Даже зная, что будет жарко, все-таки, не предполагаешь, что настолько! Тем более что подсознательно ожидаешь – на улице, конечно, будет попрохладней, не так, как здесь, в душном помещении, где буквально уже нечем дышать, весь опыт предыдущей жизни подсказывает тебе это. Ну не привык ты, выходя из дверей дома, сразу попадать в сауну! Особенно, если на дворе зима. Солнце сияет с такой силой, что даже мысли, кажется, начинают пробуксовывать. С непривычки. Маруся совсем растерялась.

– Давай, давай, двигай дальше, – в свойственной ему гру-

боватой манере подбодрил брат. – Мы закрываем собой весь проход. И кстати, «Пизарефф», это не про тебя ли? – добавил он, тростью указывая в сторону стоящего на самом виду тайца одетого в темный европейский костюм с голубой рубашкой, в руках у него была табличка с этой странной надписью. – Потому что я точно пока еще Писарев. Арсюша Писарев, и будьте любезны...

– Ой, да! – обрадовалась Маша. – Молодец! Я бы, наверное, не догадалась...

– Ну, еще бы, – хмыкнул брат.

Маша помахала не по погоде одетому тайцу. Тот, поняв, что они именно те, кого ему должно встретить, в ответ радостно заулыбался и несколько раз указал в сторону, куда надо идти, очевидно, опасаясь, что иначе они не поймут. Ухватив тележку, резво покатыл ее в указанном им самим направлении.

Машина оказалась серебристой «японкой» не первой молодости каких и в Москве полно, кондиционер работал на полную мощность, но нельзя сказать, что от этого внутри было прохладней – так разве что, на пару-тройку градусов. Оставалось лишь предполагать, каково показалось бы здесь без оногo. Водитель захлопнул багажник, сел за руль и завел мотор. Машина тронулась, осторожно вырুলывая с парковки. С зеркальца, покачиваясь в такт движению, свисала гирлянда из живых цветов, желтых, оранжевых и белых, на приборной доске застыл маленький бронзовый Будда. Музыка

по радио звучала соответствующая, восточная, но на современный лад, от того даже еще более странная. На потолке золотой краской выведены какие-то загадочные знаки, неаккуратно, будто кто-то мазал пальцем – очевидно какой-то погруженный в свои мысли буддистский монах, которому доверили освятить машину, ну, не до того ему явно было, вот он так и напачкал. Под задним стеклом помещалась странная какая-то вещица неясного назначения – не сразу дошло, что это просто коробка с салфетками. Уж больно похожа на маленький гробик для какого-нибудь домашнего питомца, усопшего хомячка или, может, птички: обтянутая ярким желтым шелком, с черной оборкой по краю, сверху отделанная тесьмой прорезь, откуда утомленный пассажир может достать себе салфеточку, дабы промакнуть обильный пот. Предмет роскоши, не иначе. Равно как и две голубые подушки с малиновыми шелковыми кистями по сторонам этого желтого гробика.

Арсений тем временем начал уже изучение тайского. Шофер, по началу державшийся настороженно, теперь расслабился и с готовностью переводил требуемые слова – те немногие, которые он знал по-английски. Братец повторял за ним, очевидно, сильно коверкая, потому как таец от души, по-детски хохотал, поправляя снова и снова, в общем, в машине стало по-настоящему весело. Маруся довольная уже тем, что несносный подросток, если и донимает своими глупостями, то, по крайней мере, не ее, спокойно смотрела

В окно.

Невысокие горы вокруг покрыты густым лесом, над кромкой сочной зелени – торчащие под разными углами заломы гигантских рваных листьев банановых пальм, там и сям проглядывают кроны каких-то буйно цветущих деревьев: все совсем другое, не такое, как у средиземного моря, а уж тем более, на российской равнине. Тоже вроде лес, да выглядит как-то совсем иначе – этот тропический дождевой лес. Ехали минут сорок, дорога петляла вдоль берега моря, изрезанного глубокими заливами, и такие порой открывались заманчивые виды, что перехватывало дух! Маруся только опасалась, что все самое красивое они уже проехали. Но нет, бухта, в которую они, наконец, свернули, оказалась ничуть не хуже – да что говорить, она оказалась просто великолепной! Узкая дорога, обсаженная ухоженным цветущим кустарником, вывела к самому берегу, где раскинулась удивительной красоты большая двухэтажная вилла, в архитектуре ее причудливо смешались восток и запад. Поросший лесом островок украшал собой залив, будто его туда кто намеренно поставил – на таком идеальном расстоянии от берегов он был. Картинка! Да нет, конечно, как можно сравнивать... гораздо, гораздо лучше, чем любая картинка!

– Ничего, – констатировал Арсений.

Понятно, что из его уст – это высшая похвала. Парню, в общем-то, более или менее все равно где находиться, был бы рядом компьютер и розетка для его подзарядки.

В пыльной пещере посреди пустыни – замечательно! Даже лучше, никто не отвлекает. Маша про себя решила, что пора, наконец, заняться воспитанием у брата чувства прекрасного. И если не она возьмет на себя эту тяжелую обязанность, то кто?

– Некий сэн-сей лет примерно пятьсот назад приказал своему ученику украсить стену старинным свитком, и указал, куда именно тот должен вбить гвоздь, – начала она, с наездом глядя на подростка. – Ученик пометил это место, но потом сделал вид, будто потерял, и снова спросил учителя. И, представь, сэн-сей выбрал ровно ту же точку, что и раньше! Хороший пример того, что для всего существует идеальное положение.

– Ты это к чему? – подозрительно покосился на сестру Арсений. – Начиталась буддистской литературы, и изъясняться теперь будешь восточными притчами?

– Я насчет острова... Просто невозможно поверить, что это возникло случайно, само собой, правда? Такая красотища! Кажется, кто-то должен был все это разместить, хорошенько предварительно подумав.

– Ты имеешь в виду Творца?

– Ну да...

– Банальный вывод. Тебе далеко не первой приходит это в голову. И уж конечно, не последней. Хотя звучит красиво: Великий Сэн-сей, расставляющий в море острова... Если так, то эти окрестности определенно были его любимые. Раз

уж он так неплохо здесь прибрался. Лентяй, сколько на земле мест, где все накидано как попало! Хуже, чем у меня в комнате.

Нечего было и пытаться...

Машина, тем временем, обогнув плещущийся фонтан посередине круглой мощеной клинкерным кирпичом площадки, остановилась у колоннады входа. Потемневшая от времени черепица покрывает пологие скаты крыши, стены дома, сложенные из грубо тесанного известняка, густо увиты цветущими лианами. Навстречу кинулся одетый в серую с золотыми галунами униформу портье – неправдоподобно крошечный – настолько, что Маше захотелось помочь ему с чемоданами. Впрочем, ей удалось справиться со своим неуместным порывом, а карикатурному портье – с их вещами. Он ловко погрузил чемоданы на золоченую тележку и, несколько раз приветственно кивнув им головой, вкатил ее наверх по небольшому каменному пандусу, располагавшемуся сбоку от ступеней.

– Классный мужик! – удивленно покрутил Арсюша головой ему вслед. – Надо же, такой маленький, а жилистый! Метр-то в нем точно будет... если не метр сорок! Впрочем, что я, муравей способен тащить поклажу в несколько раз превышающую его собственный вес. Размеры, как видно, еще ни о чем не говорят.

– Ну как можно сравнивать! Какой же он муравей, – привычно пожурела брата Маруся. – Ты бы еще навозного жука

приплел...

– Кстати, правильно! – Арсюша в расстройстве шлепнул себя по лбу. – И как это я сам не сообразил! Хороший образный пример... Но заметь, это ты придумала, а не я, – тут он погрозил ей пальцем, вид у него при этом стал ханжеским. – Как тебе не стыдно, Машенька! Должен сделать тебе замечание. Вроде бы воспитанная девушка, и обзывает аборигена жуком-навозником! Я понимаю, эти его черные гладкие волосы, сходство, безусловно, налицо... Но вот так, вместо спасибо... ни за что, ни про что... Ладно бы парень тебя чем-то обидел! Нет, нет, нехорошо!

– Я совершенно не собиралась его обзывать, – поддалась Маруся на очередную провокацию братца; не то чтобы она не понимала, чего тот добивается, но роль старшей сестры и единственной воспитательницы часто загоняет ее в тупик: нельзя же подростку непрерывно потакать. – И почему ты всегда все выворачиваешь?

– Что-то не так? – вклинился в их перепалку вопрос по-английски. В дверях, приветливо улыбалась, стояла молодая женщина вполне даже европейского вида. Тонкая кость, удлинненные руки и ноги, узкое лицо с миндалевидными темными глазами – красивая. Кудрявые темные волосы, свободно сколотые на затылке, немного не достают до плеч, бледно-зеленое платье открывает загорелые, обутые в дорогие босоножки ноги.

– Нет, спасибо, – смущенно отозвалась Маруся; со сторо-

ны могло показаться, что они с братом, не успев приехать, уже ссорятся, тем более они разговаривают на непонятном для окружающих языке. – Все очень хорошо. Э-э-э, мы просто заспорили о насекомых...

Женщина машинально повела глазами в поисках упомянутых, но ничего не обнаружив, подняв брови, чуть покачала головой и снова улыбнулась.

– Тогда добро пожаловать на виллу «Белая Орхидея». Мы вас уже давно поджидаем. Я хозяйка, Лейлани Фенвик-Палмер, а вы, должно быть, брат и сестра Пизарефф? Приятно познакомиться.

Маруся кивнула, смутившись еще больше. Как она и предполагала, брат незамедлительно поправил произношение приветливой хозяйки. Лейлани, весело извинившись, за ним повторила. Если разница и существовала, то для уха неуловимая, но, по крайней мере, у Арсения достало такта не поправлять ее второй раз. Напротив, он вполне светски сообщил, что буквально счастлив встрече, после чего распространно похвалил виллу. И умеет же втираться людям в доверие! Он ведь толком и не видел-то еще ничего, кроме входа с фонтаном! Тем не менее, пока они шли за хозяйкой к своим номерам, многое уже узнали. А именно, что дом был построен в прошлом веке в традиционном для местных краев китайско-португальском стиле – странноватая смесь, не правда ли? Знатные его владельцы приезжали сюда пережить жару – тут, мол, всегда хорошая погода, в отличие

от материковой части Таиланда, где бывает совсем уж тяжело. Они с мужем приехали сюда из Австралии, купили умирающее имение, часть отреставрировали, часть перестроили, кое-что возвели заново, в частности, бассейн, восстановили парк, и таким образом превратили дряхлый дом в роскошный отель. Это одновременно и отличное вложение денег, и приятная жизнь, и в тоже время – работа, иначе скучно – совсем-то ничего не делать, свихнешься.

«Это она уже слышала, буквально те же самые слова», – подумала про себя Маша, – и совсем недавно. Странно, до чего одинаково ощущают себя разные люди в разных частях света.

– Ваши номера на втором этаже, – добавила в заключение Лейлани, с извиняющимся видом покосившись на трость Арсения. – Вы заказывали на первом, но внизу у нас общие помещения: столовая, ресторан, веранды, гостиная, музыкальная комната... когда устроитесь, я вам все покажу. В том крыле – она махнула рукой, – служебные помещения. Но не волнуйтесь – есть лифт. И насколько я помню, он еще ни разу не ломался... Обстановка у нас почти семейная, все гости знакомы друг с другом и многие проводят время вместе – не так как в современных громадных отелях, где никто никого не знает – почти вокзал. Приехали, уехали и забыли... А на случай, если захочется шумного веселья, дискотеки либо там ресторанов, всегда можно съездить в ближайший городок, а лучше, конечно, в «Золотую Виллу». Там

уровень значительно выше, чем в городских заведениях. Это как раз один из таких крупных отелей... Тоже пять звезд, De Luxe. Он совсем от нас недалеко, в соседнем заливчике, можно пройти по тропинке вдоль моря, – она бросила взгляд на трость Арсения, – впрочем, там есть пара крутых подъемов... А можно вызвать такси. Достаточно сказать об этом портье... кстати, его зовут Пу, легко запомнить... и через пять, максимум семь минут, подойдет машина.

Лифт оказался спрятанным в небольшой нише в стене слева от ведущей на второй этаж большой каменной лестницы, из холла его даже не было видно, что, в общем, понятно: надо полагать им пользуются главным образом для перевозки чемоданов. Золотистая дверь из анодированного алюминия в самом деле не слишком гармонировала со старыми лаковыми панелями стен.

Пол на втором этаже оказался выложен глазурованной терракотовой плиткой, на вид ровесницей дома, но, скорее всего, искусственно состаренной, вряд ли она могла сохраниться в полном объеме без утрат, на дверях – фарфоровые таблички с белыми орхидеями по серовато-розовому фону: одна орхидея, две, три, четыре, пять. Лейлани вытащила из карманчика платья пластиковые карты-ключи – копии табличек на дверях – и, поочередно всунув их в щели замков, открыла для них номера третий и четвертый.

– В каждом апартаменте – спальня и ванная комната. И общая гостиная, вход из этого уютного холла. На двери

в гостиную есть задвижка, так что при желании можно полностью изолироваться. А можно посчитать это одним номером с гостиной и двумя спальнями. Как вам захочется! Устраивайтесь, обживайтесь... Собственно, через час уже обед. Думаю, дорогу сможете отыскать... Я вас со всеми познакомлю. Ну, не буду мешать. Да, занавеси на окнах днем советую держать закрытыми, иначе даже при включенном кондиционере становится душновато.

Она бесшумно удалилась, и Арсений немедленно раздвинул тяжелые шелковые портьеры. Они были двойные, та часть, что к окну, оказалась из какого-то серебристого специального материала, максимально отражающего тепло и свет.

– Еще чего, собрались на нас электричество экономить, не выйдет!

Он распахнул балконную дверь, и оттуда, как из печи, дохнуло жаром.

– Я тебя умоляю, закрой балкон, – взмолилась Маруся. – Пусть тут будет прохладно. Хочешь жариться, катись на пляж.

Братец внял ее просьбе, после чего повалился с ногами на кровать.

– Ты какой себе хочешь номер, «три орхидеи» или «четыре орхидеи»? – поинтересовался он.

– Мне, в общем-то, все равно, – качнула головой Маша, с укоризной косясь на его пыльные кроссовки.

– Тогда я выбираю номер три. По крайней мере, это простое число.

– «Простое» что? – переспросила Маруся; не всякий раз брата можно понять.

– Ты в школе когда-нибудь училась? Простое число, каким является «три», делится только на единицу и на самое себя. А «четыре» – и на единицу, и на самое себя, а также еще на два. Улавливаешь разницу?

– Если честно, она мне кажется незначительной, – показала головой Маша. – Но соглашусь и на «четыре орхидеи», если тебя это хоть сколько-нибудь порадует.

– Порадует, – кивнул брат. – Договорились. Теперь марш отсюда! Я имею в виду, в свой номер. Согласен даже не пользоваться общей гостиной, только бы подольше побыть без твоих нудных нравоучений. С моей стороны дверь будет всегда закрыта, это понятно? Я лично сюда приехал, чтобы как следует отдохнуть! Чтобы не слышать: нехорошо спать в ботинках, не ковырять в носу, мыть руки перед едой... весь этот обычный бред.

Маруся решила не вступать в дальнейшие словопрения и, ухватив за выдвигающуюся ручку свой чемодан, покатила его в соседний номер.

Она не успела еще толком оглядеться, как в ее дверь заколотили. Маруся, тяжело вздохнув, вышла из спальни в холл и отодвинула на двери красивую бронзовую задвижку в форме дракона.

– У тебя в толчке плавают орхидея? – ворвался братец на ее территорию. – Как ты считаешь, прежде чем пописать, нужно ее оттуда выловить, или так прямо на нее и писать, а?

– Слушай, я тебя сейчас задушю, честное слово, – грозно пообещала Маруся. – И мне не будет тебя даже жалко, представляешь?

– Ну хорошо, хорошо... Спросить уже ничего нельзя! На орхидею, так на орхидею, – подросток повернулся, чтобы идти обратно, – Психованная ты все-таки, Маша. Кидаешься на людей как злобная акула, буквально ни с того, ни с сего... Надеюсь, таблетки успокоительные захватила? Прими-ка парочку перед обедом. Чтобы постояльцев не перекусать!

Она долго стояла под прохладным душем – нужно было смыть с себя пыль разных стран. Достала из чемодана первое попавшееся платье – довольно мятое, что неудивительно, но искать уют или того, кто с уюгом, не хотелось, и Маша решила, что для первого дня это вполне оправдано. Впрочем, платье было короткое и без рукавов – измятой поверхности, в сущности, оказалось не так уж и много. Потом ей пришло в голову побрызгать ткань водой. Складки разгладились на глазах, а вода высохла под феном буквально за пару минут. Она была практически готова.

Братец, понятно, не обладал подобной находчивостью: он сменил свои черные джинсы с рубашкой на чрезвычайно измятые бежевые шорты и столь же измятую майку. А так как собирался в дорогу он собственноручно, вещи были не про-

сто побросаны им в чемодан, но предварительно изрядно скомканы, впрочем, он называет это другим словом: «сложены». Надо видеть как он «складывает» рубашку: перегибает ее ровно до тех пор, пока та не преобразуется в бесформенный комок ткани – так, по его словам, они занимают в шкафу гораздо меньше места. В широких жеваных шортах по колено, мятой майке с надписью Linux, шлепанцах на липучках и с антикварной тростью в руке – просто клоун какой-то на гастролях! Удивительно даже, насколько человек способен оставаться довольным собой безо всяких на то оснований. Пришлось вступать в занудные переговоры о необходимости более приличной одежды.

Маша раскопала в его чемодане легкие льняные брюки, и отправилась в ванную, где снова начала брызгать водой и работать феном. Арсений, тем временем, читал ей лекцию о том, что это только в глупых пословицах «встречают по одежке», на самом же деле все наоборот. А именно: в первые двести миллисекунд человек оценивает пол, возраст и общую привлекательность встреченного, то есть самое главное, затем его мимику, походку, запах и голос, и только крайние идиоты смотрят на одежду, которая в наше время почти уже ни о чем не говорит. А почему так происходит? Да потому что обезьяне, бредущей по саванне, хоть и неодетой, чрезвычайно важно было оценить опасность – буквально в доли секунды! – только такая могла выжить, поэтому мы и наследуем эту способность. А вот как раз надпись Linux

на пусть даже сильно измятой майке сигнализирует о повышенном интеллекте ее владельца. (Если же Маша не знает, что такое Linux, он может ей объяснить: это наименование операционной системы – более продвинутой, чем Windows, для некоего устройства, называемого компьютером). А больше ни о чем он сигнализировать и не собирается. Достаточно уже того, что причесался!

Маруся даже не спорила. Теперь брат выглядел вполне прилично, и что бы он там не говорил, не походил более на умную обезьяну по кличке Linux, сбежавшую из питомника, пусть даже и благодаря своей природной сообразительности.

Малютка Пу ждал их внизу у лифта. Трогательно сложив у груди руки в восточном приветствии, он поклонился и что-то прочирикал, настолько невнятно, что Маша решила и не вникать: переговоры могли занять изрядно времени.

Они миновали просторный холл, вышли во внутренний дворик, посередине которого плескался еще один фонтан, пересекли мощеную таким же клинкерным кирпичом площадку и, войдя в двустворчатые двери, которые бесшумно затворил за ними Пу, оказались в поместительном зале с накрытыми к обеду столами. Здесь было приятно прохладно, и это несмотря на шесть больших незашторенных окон, из которых открывался заманчивый вид на цветущий парк и синеющий внизу залив.

Лейлани поднялась им навстречу, заговорчески улыбнулась как старинным знакомым. Рядом с ней сидел мужчина лет шестидесяти, по возрасту он вполне мог быть ее отцом, но оказался мужем. Вид у него был вполне англосаксонский – британец, уже начинающий стареть, но все еще подтянутый, весь в белом, – именно такой, какими их изображают в фильмах о колониальном прошлом великой родины. Впрочем, Австралия до недавнего времени и была одной из английских колоний. Его звали Ланс Палмер, без вставки Фенвик как у нее, из чего можно было заключить, что данная часть фамилии происходит из ее девичества, а, может, от прошлого замужества, кто знает?

Все присутствующие повернулись в их сторону, и Лейлани громко представила новоприбывших, после чего по очереди всех представила. Каждый названный приветливо кивал или улыбался новым знакомым: ощущение по нашим временам довольно странное, теперь принято в общественных местах выказывать полнейшее равнодушие к окружающим, и даже если очень любопытно, делать вид, будто тебе абсолютно безразлично, кто рядом с тобой. Но основное требование при выборе гостиницы именно и было – что-то небольшое, уютное, а не современный гостиничный автомат, где чувствуешь себя одним из тысячи, где никто не знает, когда ты приехал, и не заметит, когда уедешь, кроме разве что горничной, пришедшей убрать освободившийся номер.

Итак, кроме уже названных хозяев, за обедом присутство-

вали: две подруги, Дебби и Барбара, лет двадцати с небольшим, первая вполне миловидная, вторая не очень, с ними сидел яркий красивый блондин чуть постарше, Майк, все трое австралийцы. Отдельно расположился еще один молодой австралиец по имени Брайан. Глядя на молодых людей вполне можно было решить, что они братья: оба светлые, коротко стриженные, загорелые, телосложение атлетическое, так и видишь их несущимися верхом на океанской волне: все-таки виндсерфинг – национальный вид спорта их родины, где для этого самим богом созданы идеальные условия. Итого в обеденном зале присутствовало шесть жителей этой экзотической страны, что, вообще-то, неудивительно – Австралия расположена довольно близко от Пукета, если, конечно, возможно мыслить подобными категориями, говоря о тысячах километров, но уж точно ближе чем Англия или Америка. Англо-говорящие здесь, как правило, именно из южного полушария, и, в отличие от кенгуру, разительно отличающихся от животных других континентов, в них нет ничего необычного. Скорее странноватыми показались японцы: девушки – Сьюзи и Шизу, и юноши – Ванаги и Тоши, все четверо настолько сильно выказывали радость по поводу нового знакомства, так широко улыбались, что сделалось даже неловко – непонятно было, как реагировать – не бросаться же в ответ им на шею? Где вошедшая в пословицу японская сдержанность? В противовес японцам супружеская пара из Германии, Гюнтер и Габби Рейхенбах – им было что-нибудь око-

ло сорока – проявили истинную воспитанность: когда назвали ее имя, сухопарая Габби лишь сдержанно улыбнулась одними губами, а Гюнтер церемонно привстал со своего стула, продемонстрировав довольно внушительное пивное брюшко. Наконец все были представлены друг другу, и Лейлани пригласила новых гостей выбрать себе место.

Они уселись за пустующим столом у одного из окон, откуда видно было море. Признаться, Маруся вздохнула с облегчением, когда все отвернулись от них дабы заняться своими тарелками. Обстановка очень, конечно, сердечная, но даже немножко слишком. Подошла официантка, одетая в нечто национальное: длинное узкое бордовое платье с затканым золотом широким подолом, золотом также вышиты воротник и края коротких рукавов. Очень смуглая, с большими темными глазами, маленькая, изящная, неправдоподобно хорошенькая, как куколка. С поклоном подала меню каждому из них.

– Женюсь сразу же после обеда, – во всеуслышанье объявил Арсений, с улыбкой принимая из ее рук карту блюд; правда, говорил он по-русски.

– Слава богу, ты несовершеннолетний, – хмуро отозвалась Маша, проглядывая названия в меню; подавляющее большинство из них были незнакомыми. – Я чувствую себя блеклой великаншей.

– Да, представляю каково тебе сейчас, – сочувственно поддакнул братец. – Белая, как вареник! И прыщ вон на лбу

лезет...

Маруся машинально провела рукой по лбу, никакого прыща не было и помине. Подняла горящий негодованием взгляд на брата – честное слово, руки так и зачесались ответить маленькому негодю подзатыльник! Но в подобной обстановке, это выглядело бы более чем странно. Тот довольно улыбнулся: собственно, на такую реакцию он и рассчитывал.

– Пожалуйста, посоветуйте нам что-нибудь, пока мы еще не разобрались, – подняла, наконец, Маруся глаза на куколку, застывшую в вежливом ожидании.

Официантка начала что-то объяснять на своем полуптичьем-полуанглийском, плавно водя маленьким пальчиком с накрашенным красным ноготком по строчкам меню, и Маша наугад согласилась. Надо полагать со временем она научится понимать их странный говор, ведь другие как-то с ними общаются, а пока, чем меньше слов, тем лучше. Вряд ли им предложат жареных тараканов здесь, в «Белой Орхидее».

То ли она угадала, то ли просто повар был отменный: все оказалось вкусно. Суп в маленькой плошечке с фарфоровой ложкой – вроде бы на китайский манер, какие-то грибы, кусочки мяса и непонятные овощи, но все же по-другому. Потом лапша с крабами и соусом. Надо, ох надо бы все-таки у кого-нибудь узнать, как это называется... чтобы заказывать каждый день... А на вид вроде бы так незатейливо. Десерт уже не влез. Хотя горящий коньячным жарким пламенем жареный банан с ванильной подливкой, который принесли Габ-

би, выглядел весьма и весьма соблазнительно. Обязательно нужно попробовать... как-нибудь в другой раз.

После обеда они осматривали виллу и парк вокруг, а потом Маша плавала в море. Вода была чистая и теплая. Посреди зимы это кажется каким-то волшебством – ведь только вчера еще месили ногами грязный уличный снег. Арсений, как она его ни приглашала, купаться отказался, заявив, что не прихватил с собой сапог. Мол, он, безусловно, собирался намочить их в Индийском океане, как это принято у приличных людей, но по забывчивости оставил дома. Теперь вот не знает, что и делать... На самом деле, он забыл плавки, но не хотел в этом признаваться.

Маруся быстро сообразила, что к чему.

– Господи, да купайся в трусах, кому ты нужен! Все равно вокруг никого!

Оскорблено поджав губы, тот покачал головой.

– Еще чего, в трусах... А если меня увидит прекрасная Бунма! Может, ты забыла, я намерен на ней жениться! Какие-то трусы придумала...

– Тогда походи переоденься в шорты и купайся в них на здоровье!

Арсений с удивлением на нее посмотрел, в том смысле, надо же, до чего способен додуматься мыслящий планктон, особенно, если в него потыкать палкой, и неспешно похромал в сторону дома.

Она осталась одна на безлюдном берегу. Впрочем, не совсем безлюдном: трое тайцев недвижимыми изваяниями замерли поодаль у своих лодок, вытасненных до половины на песок – лодки были большие, раскрашенные полинялой от воды и солнца краской в синий, бордовый и изумрудный. Удивительно красивые и необычной какой-то формы – пузатые, с удлиненными, загнутыми вверх кормой и носом – они удивительно органично вписывались в пейзаж, составляя одно целое с местной экзотической природой. Ряд старых пальм отделял пляж от парка, их громадные веерные листья давали хорошую тень, под ними стояли пустые лежаки – здесь, по всей видимости, даже загорать нужно в тени, но людей что-то не видно, наверное, после обеда отдыхают по своим номерам.

Наконец появился брат. Горделиво задрал голову – все в тех же изжеванных шортах и с тростью – чуть прихрамывая, прошествовал к воде. Маруся решила, что ей наоборот пора бы убираться с солнца – ничем не намазалась, и кожу начинает пощипывать. А раз щиплет, значит, уже подгорела. Она заторопилась по дорожке к пальмам, надеясь отыскать душ с пресной водой. Нашла. Рядом оказался чудесный мозаичный бассейн – в форме распустившегося розового лотоса. Маруся встала на край одного из восьми лепестков и, вытянув над головой руки, нырнула в середину – туда, к золотистым тычинкам. Хотела рассмотреть смальтовую мозаику поближе, но от пресной воды моментально заело глаза, и она,

сделав еще несколько гребков под водой, вынырнула. Еще не открывая глаз, провела руками по волосам и, перекрутив длинные концы, свернула, отжимая, в жгут. Тут она услышала, как кто-то хлопает в ладоши. Удивленно повернулась.

У бассейна стоял один из молодых австралийцев. Кажется, это был Майк: их трудно было и в одежде-то различить, по крайней мере, с непривычки, а сейчас, когда он был в плавках, индивидуальные различия вообще свелись к минимуму, доминировали мышцы.

– Десять баллов! – сообщил он громко. – По десятибальной системе. Бесспорно! Отличный вход в воду, минимум брызг, удивительная пластичность всех движений, высокий артистизм исполнения. Ну и, наконец, – здесь он сделал многозначительную паузу, – но отнюдь не в последнюю очередь, юность, очарование и изящество исполнительницы!

– Спасибо, – без улыбки кивнула Маруся.

Собираясь выбраться из воды, она огляделась в поисках лестницы. Лестница была, но с другой стороны и, покачивавшись, Маруся приняла протянутую руку Майка. Он выдернул ее из воды одним легким движением, как если бы она вообще ничего не весила.

– Спасибо, – повторила Маша, и попыталась отнять свою руку.

Он не отдал, поднес к своему лицу и, подняв брови, выразительно посмотрел на ее безымянный палец. Ей захотелось сказать, чтоб он не смотрел, скоро там будет кольцо, но она

смолчала: это выглядело бы совсем уж по-детски.

– Ваш брат? – кивнул Майк в сторону приближающегося к ним Арсения и, наконец, выпустил ее ладонь. – Я сначала подумал, вы двойняшки, до того похожи.

– Многие так думают, – сообщила Маруся и, решив подколоть его, добавила: – Я тоже решила, что вы братья-близнецы.

– В каком смысле? – наморщил тот лоб. – С кем это?

– С Брайаном, естественно. Так, кажется, его зовут?

– Ах, с Брайаном, – усмехнулся Майк. – Да нет, мы с ним даже не знакомы... Вернее, теперь-то, конечно, познакомились... Я имею в виду, здесь, в «Белой Орхидее». Тут, как вы, наверное, уже поняли, дружить – хороший тон.

– Поняли. А что делать, если совсем... ну, совсем не хочется?

– Как, неужели я уже успел вам настолько надоесть? – преувеличенно удивился Майк.

– Именно настолько, – отрезала Маша, и повернувшись, пошла навстречу брату.

Тот остановился, поджидая пока она приблизится, окинул ее насмешливым взглядом и удрученно покачал головой.

– Бедный, бедный Андрейка... Надо ж до чего верно подмечено народом: с глаз долой, из сердца – вон. Но я все равно наябедничаю! Наш мосье нравится мне значительно больше... Прямо сейчас ему и позвоню.

Андрейкой, Андрюшей, Андрюхой и «мосье» в свой-

ственной ему издевательской манере он называет Анри Дюпрэ, Машиного молодого человека, с которым у нее завязался роман на греческом острове неподалеку от Крита. Часть этого острова вместе с роскошным отелем теперь принадлежит ей... Даже думать об этом до сих пор странно – до чего она теперь богатая. На Крите сейчас не сезон, холодно. А с Анри договорились так: Маша с братом приедут на Пукет первыми, и если им понравится отель, все останутся в нем, а нет, за пару дней найдут что-то получше, и Анри присоединится к ним уже там. Дела пока требовали его присутствия в Париже.

– Жалуйся, сколько душе угодно, – презрительно фыркнула Маша в ответ. – И кстати, можешь передать, мы остаемся в «Белой Орхидее». Здесь вполне приятно.

– Конечно, приятно! – ехидно сощурившись, поддакнул подросток. – И что немаловажно, присутствует пара белокурых красавцев, с которыми можно пококетничать, не то скука... Я все-все ему передам, не волнуйся!

Весело тараторя и заливаясь смехом, навстречу им шли австралийки. Маша улыбнулась, прежде чем разминуться, но одна из девушек, Барбара, остановилась.

– Хочешь с нами? – приветливо спросила она Машу.

Та собралась было отказаться, уже купалась, но, подумав – делать-то все равно нечего – нерешительно кивнула.

– Если только я вам не помешаю.

– Ну что ты!

Захватив чистые пляжные полотенца из большой плетеной корзины, что стояла перед выходом на пляж, они втроем прошли по мощеной дорожке к берегу и, побросав вещи на лежаки, побежали в море.

Вода такая теплая, что купаться можно без конца – пока не надоест, замерзнуть здесь сложно. Они проплыли до буйков и обратно, девушки держались на воде уверенно, обгоняли Машу, впрочем, той было не обидно, все-таки Москва расположена не на океане, да и наше северное лето, прямо сказать, несколько короче: у них троих по определению не может существовать равного опыта.

Потом они, повизжав, ополоснулись под душем, – вода, странным образом, текла из трубы холодная, по крайней мере, если сравнивать с окружающей температурой – после чего растянулись на лежаках.

Барбара вытерла руки полотенцем, покопалась в плетеной сумке и вытащила из ее недр пачку ментоловых сигарет. Ухватив за фильтр ухоженными накрашенными ногтями, вытянула длинную тонкую сигарету. Прикурила от золотой зажигалки.

– У вас сейчас там зима? – выпуская вверх дым тонкой струйкой, спросила она.

– В самом разгаре, – кивнула Маша; она разморено простерлась на полотенце под пальмой и, честно сказать, уже даже сама не могла поверить, что сейчас где-то все совсем по-другому.

– Ну и как, очень холодно?

Маруся усмехнулась.

– У нас анекдот на эту тему есть... Африканец проработал в России целый год, вернулся к себе на родину, и его спрашивают: – Ну и как у них там зима? – Он отвечает: – Та, которая зеленая, еще так себе, ничего... Ну а белая – это, я вам скажу, просто кошмар!

Барбара заливисто рассмеялась. Зубы у нее – хорошие, ровные, но в улыбке слишком сильно открываются десны – серовато-розовые с голубыми прожилками – не улыбка, а анатомический атлас из кабинета дантиста.

– У вас что, правда, две зимы? – озадаченно приподняла светлые брови Дебора.

Ее свежее хорошенькое личико выглядело искренне удивленным; мелкие аккуратные черты лица – типаж простодушной куколки. Правда, с возрастом она, скорее всего, поблекнет, как обычно происходит с куколками: люди с детскими пропорциями лица в старости выглядят как-то жалобно.

– Практически так оно и есть, – вздохнула Маруся; что еще было ответить на подобный вопрос? – Сейчас как раз «белая».

Барбара начала растолковывать подруге соль анекдота. Та, вроде поняла, но смеяться уже не стала.

– А медведей много? – задала куколка следующий вопрос.

– Порядочно, – кивнула Маша. Так ей было сейчас тепло и хорошо, что она согласна была уже и на медведей, не хо-

телось вступать в бестолковые объяснения. – Но теперь уже не так много, как раньше.

Барбара посмотрела на нее с подозрением. Очевидно она, в отличие от подруги, видела географическую карту хотя бы однажды в жизни.

– А у нас зато кенгуру водятся, – сообщила в ответ Дебби. – И вообще, самые разные сумчатые... потом попугаи, собаки динго, дромадеры...

– Дромадеры? – пробормотала Маша сонно. – Кто это?

Теперь на нее с усмешкой посмотрела уже Барбара.

– Англичане, кажется, в восемнадцатом веке, завезли верблюдов – ну как средство передвижения... Австралия же это в основном пустыня... Ну а со временем, когда они стали не нужны, по крайней мере в таком количестве, их начали отпускать. Те одичали. И сейчас дикие стада драмодеров доставляют неприятности фермерам, вытаптывая посевы.

– Ну, надо же... – лениво отозвалась Маша.

– Но их выдворяют за стену, – поправила подругу Дебби. – Правда, они иногда прорываются обратно.

– За какую стену? – решила проявить любознательность Маруся.

– Ну, за Великую Австралийскую...

– Я слышала только про «Китайскую», – созналась Маруся.

– Нет, она, конечно, совсем не такая! – фыркнула Барбара. – Просто ее так называют. Она из сетки... металличе-

ской сетки, которая отгораживает пустыню от сельскохозяйственных районов, иначе собаки Динго давно бы весь скот перерезали... Но зато длиной в несколько тысяч километров!

– Удивительно, – согласилась Маруся. – Чего только не придумают!

Солнце быстро клонилось за гору, здесь вблизи от экватора заход уже в шесть часов пополудни, причем примерно в одно и то же время, как зимой, так и летом. Это кажется неестественным, хотя там, в Москве, солнце сейчас садится даже еще раньше, но летом-то светло чуть не до одиннадцати. Впрочем, на Пукете нет лета и зимы, а тем более весны и осени, здесь существует всего два сезона: сухой и влажный – температура воздуха в течение года практически не меняется, но пару-тройку месяцев идут проливные дожди. Воды на улице может быть по пояс, но в остальном все хорошо. Тепло... Всегда тепло! Когда в какой-то год наступило необычайное похолодание, – температура ночью опускалась до плюс пятнадцати! – в деревнях замерзло много народу. Насмерть. Королева ездила по стране и раздавала одеяла...

Пока они неспешно добрались до дома, пока перекинулись несколькими фразами с общительными японцами, совсем стемнело. Японцы, перебивая друг друга, настоятельно рекомендовали Маше отправиться на вечер в «Золотую Виллу», иначе, мол, здесь пропадешь со скуки. Маруся в ответ

вежливо покивала головой. В холле, очевидно ожидая такси, с сосредоточенным выражением на лицах, глядя в никуда, застыла пара Рейхенбах. Почему-то они не стали садиться в кресла, возможно, не желая лишний раз мять свою одежду: оба тщательно одеты и причесаны на выход. На Гюнтере – нежно-сиреневая рубашка с короткими рукавами и расстегнутым воротом, легкие серые брюки под нависающим крепким брюшком поддерживает черный кожаный ремень, на ней – короткий летний костюм и босоножки на высоких каблуках, в глубоком декольте вывешена толстая золотая цепочка, на костлявых запястьях пара золотых браслетов. Очевидно, что оба они злоупотребляют солнцем, особенно Габби: от природы светлая кожа приобрела медно-красный оттенок – даже пятнами какими-то пошла, розоватые веснушки на руках и груди стали светлее кожи, этакий негатив самой себя. Сквозь уложенные с каким-то специальным средством коротко стриженные белесые волосы глянцевито алеет кожа головы. Белый костюм прекрасно оттеняет все эти огненные переливы – контрастный фон для этюда в багровых тонах. Удивительно, сейчас так много пишут и говорят о вреде чрезмерного загара, неужели они ничего об этом не слышали? Вот так, по доброй воле, превращать себя в головешку.

Стало ясно, что вилла на вечер совершенно опустеет. Возможно все же стоит прислушаться к совету японцев и на время покинуть сей гостеприимный приют – ну не ложиться же сейчас спать, в самом деле!

Спустя полчаса, они с братом тоже уже ждали такси. Арсений, прислонив трость к бортику фонтана, сам уселся на его край. Жаркий воздух – даже после заката он не стал прохладнее – наполнился густым мелодичным звоном: такое ощущение, будто кто-то невидимый на горе названивал в колокольчики, но не просто так, а как если бы те были привязаны к колесу, а колесо непрерывно крутили. Звук, затихая, снова нарастал, и слышалось в этом некое вращение. Возможно, то был какой-то пока им неизвестный музыкальный инструмент. Но кто и где на нем играл? Непонятно.

Ждать долго не пришлось, скоро в темноте мягко зашуршали шины, и немедленно откуда-то, как чертик из коробочки, выскочил малютка Пу в своей серой с золотыми аксельбантами униформе; он распахнул перед ними дверцы затормозившей у фонтана машины.

Вся поездка не заняла более десяти минут, всего-то и нужно было что выехать на основную трассу и, повернув в следующий поворот, спуститься по петляющей дороге в соседний залив. Зарево огней большого отеля мягко колыхалось в море. Сквозь пальмы заманчиво голубели подсвеченной водой многочисленные бассейны, и звуки веселья, пока еще приглушенные расстоянием, уже неслись навстречу, врываясь в открытые окна вместе с горячим воздухом. Машина остановилась у парадного входа, и сразу двое в ливреях метнулись открыть им двери.

Они вошли в высокий холл – в два этажа, стены отделаны камнем и медными плитами, струи воды, бьющие прямо из медной стены, с журчанием стекают в водоем – прямоугольную дыру в полу. Под потолком переплелись балки из толстеного бамбука, между них на цепях повисли какие-то странные штуковины из кованного металла, как гигантские зонтики – непонятно, но здорово. В целом весьма стильно. Здесь помещалась стойка рецепции, и стояло с десятков низких стеклянных столов, окруженных плетеными диванами и креслами с подушками, повсюду вазы с живыми цветами – роскошными настолько, что с двух метров они выглядят искусственными: кажется, что таких цветов существовать просто не может. За некоторыми столами сидят люди, кто-то кого-то поджидает, очевидно, здесь удобно встречаться.

Они еще не успели решить, куда бы теперь направиться, как к ним уже подскочила японка Шизу, с которой они расстались буквально полчаса назад. Впрочем, это обрадовало, в таком огромном пространстве и впрямь начинаешь чувствовать себя каким-то неприкаянным, и хорошо увидеть знакомое лицо. Пусть даже слегка знакомое, пусть даже вполне азиатское. На японке была очень короткая обтягивающая юбка и открытая блузка причудливого кроя, с вырезами в самых неожиданных местах, каблук ее босоножек были высоченные – Маша еще подумала, что она на таких и десяти метров не одолела бы без увечья, а та ничего: скачет,

как акробат на ходулях. И столь же непринужденно.

Они подсели к остальным, нужно было дождаться еще двоих их знакомых, которые только сегодня приехали в «Золотую Виллу». Наконец те появились, и после бурного приветствия, сопровождавшегося выкриками и похлопыванием по плечам, все направились к выходу. На воздухе, хоть уже и в полной темноте, оказалось гораздо жарче, чем внутри... Ну как к этому можно привыкнуть! Так и ждешь: вот сейчас потянет с моря прохладой... но нет, не тянет! И по-прежнему звучат колокольчики.

– Никак не могу понять, кто же это все время играет? – ни к кому особо не обращаясь, спросила Маша.

Японцы взглянули на нее с непониманием.

– Ну, я имею в виду вот этот инструмент, который сейчас звучит. Кто это там, на горе, звонит?

Все прислушались.

– Цикады, что ли? – Тоши смотрел на нее с неуверенной улыбкой.

– Это... цикады? – Маша была поражена. – Такие цикады? А я не поняла, – смущенно созналась она.

– Нет, и правда, похоже на какой-то инструмент, – поддержал Тоши, очевидно заметив ее смущение. – Очень похоже!

Выяснилось, что друзья собираются на дискотеку, но там пока еще скучно, все только раскачиваются, и можно выпить по коктейлю в одном симпатичном баре. Вот таким странным довеском к японской компании – те, обменива-

ьясь впечатлениями, тараторили на родном языке, а Маруся с Арсением с вежливыми улыбками просто вышагивали рядом – они и оказались в питейном заведении. Строго взглянув на подростка, у которого в глазах моментально появились какие-то фантазии на сей счет, Маша заказала два апельсиновых сока со льдом. Арсюша недовольно выкатил губу, но спорить на удивление не стал.

Наконец все расселись за большим столом – их было теперь уже восемь человек – и заговорили на единственном общем для всех языке, на английском. Произношение у них в среднем было лучше, чем у тайцев, но все же приходилось иногда делать усилие, чтобы понять. Лучше всех говорил Тоши. Маша уже знала, что Шизу – его сестра, Сьюзи и Ванаги – парочка, но отношения у них были вполне подростковые: шлепнуть, толкнуть и заготовить оказалось в порядке вещей: видимо, лет им было совсем немного. Имена их приятелей Маруся не запомнила. Тоши с очевидностью был старший в этой группке, он держался чуть отстраненно и, пожалуй, был самым приятным внешне, честно говоря, девушки были довольно некрасивые. Вообще, фигуры у азиаток так себе, по крайней мере, с точки зрения европейцев: короткие ноги, слишком длинный торс, плоская грудь. Почему-то часто встречаются кривые зубы, будто у них дантистов еще не изобрели, ну и, конечно, эти их как бы полуприкрытые, узкие, припухлые глаза. Не говоря уж о слишком широких скулах... Очень редко среди японок встречается гар-

моничное сочетание всего вышеперечисленного, по крайней мере из тех, что встречала Маша. Тайки – те другие: довольно много хороших, иногда просто очень хороших – совсем не редкость большие глаза, и в целом, приятное сочетание черт, хотя тоже совсем непривычное. И кожа. У тайек – гладкая и смуглая, а японки – те какие-то белесо-желтоватые, по крайней мере, сейчас, посреди зимы, это ведь только на карте кажется, что Япония и Таиланд рядом, а на самом деле лету на юг пять часов.

Разговор за столом скоро ушел в специфическое русло: цифровые технологии, а именно фотоаппараты, телефоны, компьютеры, игровые шлемы, приставки и другие не менее важные приамбасы, без которых новое поколение не мыслит своего существования. Арсений явно получал удовольствие: наконец-то он мог умничать сколько душе угодно, и это при том что окружающие не только от него не отмахиваются, а наоборот внимательно слушают и подают умные и своевременные замечания. Наконец-то рыбе налили воды в ее аквариум! Маша вполуха слушала, вполглаза поглядывая вокруг. Бар быстро наполнялся народом. На небольшой танцплощадке появились пары. В одной из них Маруся узнала постояльцев «Белой Орхидеи»: свою новую знакомую Барбару и одного из красавчиков-блондинов, Брайана. Они танцевали, тесно обнявшись, он что-то шептал ей на ухо, и та счастливо улыбалась в ответ. Маруся, смутившись, отвернулась, ей почудилось, будто она подсматривает за тем,

что не предназначено для чужих глаз.

– Почему он сейчас с ней? – вдруг услышала она вопрос и, подняв взгляд, увидела, что это спрашивал Тоши; оказывается, тот внимательно за ней следил; в полумраке бара лицо его показалось совсем темным, внимательные глаза – будто прорези в маске.

– Странно звучит, – удивилась Маруся. – Наверное, потому что она ему нравится... Почему бы еще?

– А разве они ровня друг другу?

– Ровня? – недоуменно подняла Маша брови. – В каком же это смысле?

Она снова посмотрела на танцующих, и сейчас вдруг с очевидностью осознала насколько хорош собой партнер в этой паре, и до чего невыразительно и блекло выглядит его партнерша. Особенно по сравнению с ним.

– Пожалуй, нет, – неуверенно протянула она. – Не самая красивая Барби на свете. И что?

Тоши по-прежнему смотрел серьезно. Маша никак не могла взять в толк, что он хочет всем этим сказать.

– Я видел, к вам подходил сегодня Майк, – вместо ответа негромко проговорил японец. – Пожалуйста, поверьте мне, он не для вас.

Маша вспыхнула до корней волос.

– Какая глупость! Да что у вас у всех на уме? – она имела в виду сейчас еще и своего брата. – Конечно, он не для меня, этот красующийся самодовольный Нарцисс!

– Спасибо. Я очень рад это слышать, – без улыбки склонил голову Тоши.

Вот сейчас вид у него был вполне японский, как в фильмах про самураев. Без вымученного, неестественного налета западной светскости. И, кажется... у нее появился еще один воздыхатель.

На дискотеку Маруся идти отказалась: был уже одиннадцатый час, и теперь она буквально мечтала оказаться в своем номере – у нее не осталось сил. Все чего она сейчас хотела, это лечь спать, а больше ничего. Уж точно не плясать до утра. Братец даже не начал спорить, очевидно, сейчас их желания полностью совпадали, что, прямо сказать, случается довольно редко.

Вернулись они тем же путем, что и приехали. «Белая Орхидея» по контрасту показалась уснувшей. Но нет, малютка Пу выбежал встретить их и, проводив до лифта, сложил на прощанье у груди руки, что-то прочирикал, – так это все было уютно и спокойно. И море тихо дышало там внизу, в темноте, а в его волне не плавилась тысячи ватт электрического света. Нет, определенно, выбор Маша сделала правильный.

Вещи оказались распакованы, выглажены и аккуратно повешены в шкаф, на заправленной белоснежным бельем кровати лежит ее ночная рубашка, чьи-то ловкие руки свернули ее, превратив в раскрывающийся бутон не то розы, не то пи-

она – надо же такое придумать! А на подушке шоколадная конфета в кружевной бумажке – на сладкий сон, и свежая орхидея. Безусловно, очень красиво и приятно... если только... если только это не братец подложил орхидею ей на подушку, предварительно выловив из своего унитаза!

Маруся отмахнулась от глупой мысли и, раздевшись, нырнула под прохладные простыни; кондиционер работает отлично, узкая решетка под потолком, из которой нагнетается в комнату холодный воздух, чуть ли не инеем покрылась. Маша даже решила немного поднять температуру – как бы сразу не простудиться. Покрутив на дистанционном пульте колесико, она установила температуру в двадцать градусов. С наслаждением вытянулась на спине: насыщенный день, устала. Но ничего, завтра начинается уже настоящий отдых.

Глава 2

Разбудили ее глухие сильные удары в балконную дверь. Маруся со сна испуганно подскочила, несколько мгновений оторопело таращилась, потом слезла с постели, крадучись подошла к окну и, отодвинув край тяжелой портьеры, с опаской выглянула наружу.

За стеклом маячил никто иной, как брат. Вот он недовольно покрутил белобрысой головой – ну не дожدهшься! – и снова заколотил тростью в окно, правда, слава богу, не металлическим ее набалдашником, а нижней частью, той, на которой черный наконечник против скольжения.

Облегченно вздохнув, Маша поторопилась открыть дверь – пока стекло цело.

– Сколько же можно дрыхнуть, я не понимаю! – возмущенно воскликнул Арсений. – Уже девять, а легли вчера в одиннадцать!

– Боже, мне так сладко спалось, и снилось что-то хорошее, – простонала Маруся. – Неужели я кому-то мешала тем, что сплю? Ты же обещал даже общей гостиной не пользоваться!

– Я и не пользуюсь, – с достоинством возразил брат. – Но у нас, как выяснилось, общий с тобой балкон! Сортир – тот отдельный, а вот балкон – совместный... В гостиную – ни-ни, на балкон тоже нельзя! Я не могу все время сидеть

в своей клетушке, словно загнанный в угол дромадер! Я хочу нормально позавтракать и идти на пляж. Чтобы уже в полдень приступить к изучению тайского языка и некоторым другим запланированным делам.

– Хорошо, – покорно вздохнула Маша. – Только, причем здесь верблюды?

Чистя зубы в ванной, она размышляла о том, что все-таки, в самом деле, очень даже удачно, что ванная комната у нее отдельная, и всякие дромадеры здесь не шныряют.

Судя по последнему высказыванию, Арсений, этот пыливый подросток, с утра пораньше все уже разузнал о пятом континенте – наверное, где-нибудь в Интернете... ну не на базаре же?

Завтрак накрыт был во внутреннем дворике, столы под белыми скатертями полукругом стояли у фонтана. Солнце еще не поднялось настолько высоко, чтобы заглянуть в двухэтажный колодец двора, и после относительно прохладной ночи здесь было очень приятно. Вообще двор действительно казался будто бы перенесенным откуда-нибудь из Португалии или, может, Испании: в плане квадратный, с четырех сторон окруженный собственно стенами дома, сложенных из грубо отесанного известняка, со смотрящими во дворик увитыми розовой бугенвиллией балкончиками, будто и не в Таиланде вовсе. Разве что большие низкие глазурованные глиняные чаши с цветущими лотосами, расставленные вдоль стен, говорили о том, что это, возможно, никакая и не Португалия.

Судя по всему, постояльцы здесь вставали поздно, никого еще не было.

– Я тоже могла бы еще спать, спать, и спать, – зевнув, пробормотала Маруся и уселась за один из столов. Сонно оперлась щекой об руку.

Но долго ждать не пришлось. Буквально пару минут спустя во дворе появился хозяин гостиницы Палмер. Как и вчера Ланс был весь в белом, в парусиновых туфлях, безупречно аккуратный, правда, одежда несколько болталась на его тощей фигуре, а впалые щеки перечеркнули жесткие морщины: казалось, он до костей иссушен местным солнцем. Поределье седые волосы на розовом черепе аккуратно приглажены расческой, даже видны тонкие проборчики от ее зубцов, австралиец свежевыбрит и припудрен тальком. Для завершения картины не хватает лишь белой панамы или, быть может, колонизаторского пробкового шлема, впрочем, возможно он надеет его после завтрака.

– Доброе утро, – проговорил Ланс. – Любите хороший кофе?

Маша неуверенно кивнула.

– Тогда я вам сейчас сварю. Это то, что я всегда делаю сам. Как комплимент нашим гостям. К сожалению, они не способны научиться этому искусству, – кивнул он в сторону замершего чуть поодаль тайца. – Бурда бурдой получается.

– Ваш Пу за ночь вырос на полголовы, – сообщил Арсений.

– Это Раттана, – усмехнулся Ланс. – У Пу сегодня выходной.

– Как, и у Бунмы тоже? – расстроился подросток.

– Бунма сейчас будет печь вафли и жарить омлет. По крайней мере, я на это надеюсь, – он повернулся к тайцу, – ты долго будешь здесь еще торчать? Давай-ка, вывози тележки с кухни! Гости уже ждут, ты не заметил? – Он покачал головой и, будто извиняясь, пояснил: – они тупые, все надо бесконечно повторять. А вот и Бунма, благодарение небесам... Рекомендую вафли. Что-что, а это у нее получается отменно.

Бунма с нежным поклоном головы издали им всем улыбнулась – руки у нее были заняты большой стеклянной плоской с тестом. Сегодня на ней был бежевый шелковый костюм, подобным же образом затканый золотом, как и вчерашнее ее платье. На маленьких ногах – босоножки на высокоточенных каблуках, похоже, все азиатки отменные акробатки, очевидно, так они компенсируют недостаток в росте.

Арсений немедленно подхватился и направился к стойке, за которой уже расположилась Бунма – та деловито расставляла сковородки на электрической жаровне. В ответ на его слова она кивнула и налила половником теста в две вафельницы. Минуты три минут спустя, она выложила золотистые рифленые круги на подогретые тарелки, полила медом и растопленным маслом, после чего принесла на их стол.

– Так и быть, можешь съесть одну, я сегодня добрый, – великодушно разрешил братец. – Все равно идти за следую-

щей порцией.

Маруся с усмешкой взяла вилку и нож. Отрезала кусок, положила в рот... Боже, это было непередаваемо! Теплая вафля, слегка похрустывая под зубами, как-то незаметно растаяла во рту и сама собой поглотилась... Со следующим куском произошло то же самое... Тарелка опустела, но Маша чувствовала, что она несколько не насытилась! Не полностью насладились этим непередаваемым ощущением! И это при том, что она вообще не собиралась есть. Так рано у нее не бывает аппетита. Думала, только выпить кофе...

– Жалко, они тут не знают, что такое сгущенка, – с сожалением пробормотал брат, поднимаясь со стула. – Вафля с медом, безусловно, вершина... но то была бы настоящая Джомолунгма! Уверяю тебя, со сгущенкой они могли бы подняться на абсолютно недостижимые высоты. Вообще выйти в космос!

– И что бы они там делали? – отодвинула пустую тарелку Маша. – Закажи мне, пожалуйста, еще штучку...

Пока Арсений ходил за добавкой, Раттана принес две чашки кофе. Маруся отпила, посмаковала: кофе был, в самом деле, отличный. Она послала восхищенную улыбку Лансу, который с заправским видом передвигал надраенные медные турки по жаровне с песком. Тот важно склонил голову, принимая комплимент, очевидно, он относился к своему занятию с большой серьезностью.

Появилась Лейлани. Сияя белозубой улыбкой, она поздо-

ровалась с гостями и уселась за стол. Помахала мужу.

– И где взбитые сливки? – сурово спросил тот у Раттаны. – Ты разве не видишь, хозяйка уже пришла! И Барбара тоже пьет капучино.

Маруся повернула голову, она не заметила, как появилась девушка. Та сидела за столиком одна, без Дебби, и вид у нее был, прямо сказать, неважнецкий. Бледная, темные круги под запавшими глазами, что вообще никого не красит, и уж точно не ее. Что поделать, такова расплата за бурную ночь!

Но когда появился Брайан и уселся за отдельный стол подальше, Маша поняла, что дело не в усталости. Скорее всего, они разругались, и несчастная Барби просто до утра прорыдала в подушку.

Потом спустились немцы, таща с собой объемистые пляжные сумки. Вероятно, они вознамерились собрать всю доступную солнечную радиацию, а для этого нужно было сразу после завтрака ринуться на берег и разлечься на лежаках: глупо терять драгоценные минуты на переодевание и сборы. Японцы появились еще минут пять спустя, вид у четверки был довольно апатичный – давала себя знать вчерашняя дискотека.

Ланс самозабвенно трудился над приготовлением напитка, который должен был всех взбодрить, Бунма готовила на заказ омлет, вафли или блинчики, Раттана по очереди подвозил к столам тележки с разнообразными закусками. Понемногу японцы ожили и заговорили. Лейлани допила

свой кофе со сливками, – она ничего не ела – промакнула салфеткой губы и, отодвинув стул, направилась в сторону мужа. Поднялся со своего места Брайан. В руках он держал несколько орхидей, перевязанных лентой. Выйдя из-за стола, он приблизился к Лейлани и преподнес букет со словами признательности за отличный отдых и замечательно вкусную еду, добавив, что выражает общее настроение. Японцы заплодировали, Лейлани, похоже, смутилась, но цветы, конечно, с благодарностью приняла.

Маруся взглянула на Барби – та исподлобья смотрела на эту сцену со странной гримасой на бледном некрасивом лице, что, без сомнений, выражало некие чувства девушки, но определенно, не чувство признательности. Маше стало ее жалко, но помочь, увы, ничем тут было нельзя, и она решила не вникать в чужие отношения. День был такой хороший и ясный – глупо морочить себе голову переживаниями практически незнакомых ей людей.

Арсений наотрез отказался уходить, намереваясь, как он выразился, проглотить еще пару-тройку вафель, приготовленных прекрасными маленькими ручками.

– У тебя будет заворот кишок, – предупредила Маша. – Нельзя есть столько горячего теста на такой жаре. И, кроме того, разовьется косоглазие! – тут она кивнула в сторону красотки Бунмы. – Если не перестанешь на нее пялиться.

Пришлось идти наверх одной. Она собиралась переодеться и тоже отправиться на пляж за своей порцией радиа-

ции, только конечно ее доза не будет столь значительной как у Габби с Гюнтером.

Надев в номере купальник и повязав вокруг талии яркое парео, Маша побросала в плетеную сумку необходимые мелочи, вдела ноги в пляжные шлепанцы и, наконец, захлопнула за собой дверь. Выйдя из лифта, повернула за угол. Лейлани что-то делала у стойки, стоя спиной к залу. На пол вдруг полетели цветы – и Маруся, досадливо ахнув, подбежала, чтобы помочь собрать упавшие орхидеи.

– Ой, спасибо, – повернулась Лейлани и взяла у нее цветы. – Вчера тут стояла ваза... Что-то не могу найти, наверное, убрали, – она покачала головой. – Удивительное рвение! Но не страшно, чего-чего, а этого добра... имею в виду, ваз всех размеров, у нас предостаточно.

Она заторопилась в хозяйственное крыло, и Маша проводила ее внимательным взглядом: в пальцах Лейлани оказалась зажатой какая-то бумажка, которую та, принимая цветы, старательно от нее скрывала – очевидно, секунду назад вынув ее из букета. Вот почему посыпались на пол орхидеи.

Нет... не зря, не зря Барби так расстраивалась. Повод у нее был, вполне даже реальный. И Ланс, бедняга... Правда, тот, кажется ничего не заподозрил. По крайней мере, пока. Но каков наглец, этот Брайан! Вот так передать записку – у всех на виду, на глазах обманутого мужа и своей покинутой девушки, срывая аплодисменты легковой публики.

И, конечно, никакую не вазу Лейлани здесь искала, она сразу поняла, что там внутри, под лентой, потому и вышла... И это отнюдь не явилось для нее неожиданностью, скорее, она ожидала чего-то подобного, а смутилась именно из-за его нахальства, из-за того что у всех на глазах...

Маша провела на лежаке под пальмой целых семнадцать минут. Она уже дважды вынимала из сумки часы – честно говоря, терпеть не может загорать! Это ведь удивительно тоскливо: валяться без движения на жаре, всем поведением подражая морским котикам. Но и оставаться «белым вареником» – по меткому замечанию брата – тоже не хочется. Поэтому она обрадовалась, услышав японский говор – по крайней мере, если уж мучиться, то хотя бы не одной.

Она села и помахала рукой. Четверка японцев – они так и держались группкой – повернула в ее сторону.

– Как вчера повеселились? – еще издали спросила Маша.

– Отлично, просто отлично! – радостно сообщила Сьюзи.

Обе девушки были сейчас в коротких пляжных платьицах и шлепках на платформе, но все равно они казались ниже, чем на обычных десятисантиметровых каблуках. Со спины их можно было принять за девочек, никак не старше двенадцати-тринадцати, но только со спины: красились японки весьма сильно.

– Не хочешь с нами? – спросила Шизу.

– А разве вы куда-то собираетесь? – удивилась Маруся. – Я-то решила, вы пришли купаться.

– Нет, мы идем сейчас в «Золотую Виллу». Там будем купаться. Там – аквапарк, и вообще весело!

Маруся колебалась недолго; с одной стороны нужно бы дожидаться Арсения, но с другой – у того в двенадцать уже «запланированные дела», и снова придется торчать в унылом одиночестве. Скорее бы уж Анри приехал!

Она попросила подождать секундочку и отправилась к немцам, которые растянулись на лежаках поближе к морю, на открытом солнце. Извинившись, Маша попросила передать ее брату – конечно, в том случае, если они его увидят – что она ушла с друзьями в соседний отель.

Габби великодушно разрешила ей не волноваться, обязательно передадут. Вполне мило. А Гюнтер даже помахал над головой своими красными поросшими рыжей шерстью ручищами – мол, передадут всенепременно.

Идти нужно было, наверное, что-то около десяти минут. Утоптанная множеством ног тропинка вилась вдоль скалистого берега моря, лишь иногда забираясь в гору.

Скоро послышались звуки музыки – очевидно веселье здесь никогда не прекращалось, и они выбрались на огороженную низкой каменной стенкой мощеную набережную отеля – на ту ее часть, что отделяет территорию от песчаного пляжа. Но на пляж они не пошли, а свернули вглубь парка. Японцы прекрасно ориентировались, было ясно, что они проводят здесь большую часть времени. Скоро до ушей донесся визг и хохот, и они вышли к большому сложной формы

бассейну с высокой горкой, откуда вместе с потоком воды, вереща, скатывались вниз дети и взрослые.

Тоши с Ванаги отправились на охоту за пустыми лежаками, которые они приволокли на облюбованное место. Официантка, которая с видимым усилием притащила поднос с пятью большими кружками пива для соседней компании, тяжело опустила его на столик, после чего подошла и к ним. Почему-то она обратилась сначала к Маше, которая, расстелив полотенце, постаралась сесть так, чтобы на нее падала тень от стоящего рядом зонтика.

– Джу-у-у? – произнесла тайка с мелодичным повышением в конце слова. – Соо-прай?

Маруся напряженно стала размышлять. Так как это слово исходило от человека, разносящего прохладительные напитки, можно было, по крайней мере, предположить, что такое «джу-у-у»: джус – сок, это более или менее понятно. Но что такое «соо-прай», она не может себе даже представить. Вопросительно взглянула на Шизу, надеясь на подсказку.

– «Спрайт» – хитро подмигнула та узким карим глазом, и Маша даже фыркнула – ну конечно, «спрайт», что же еще? Заказала себе свежий апельсиновый «джу-у-у».

Остальные, тоже сделав заказ, быстро разделись и попрыгали с бортика в воду. Тоши помахал ей рукой, приглашая присоединиться, и Маруся знаками показала, что обязательно, но сначала она чуть посидит. Те поплыли наперегонки в дальний конец бассейна. Там им, очевидно, повстреча-

лись соотечественники, потому что уже скоро они устраивали массовый заплыв – их было теперь человек пятнадцать. Правда, шум поднялся такой, как если бы их было пятьдесят. Недовольно косясь на гомонящих японцев, несколько человек собрали вещи и отправились искать местечко поспокойнее. Маруся в очередной раз подивилась, откуда взялась эта распространенная легенда о сверхъестественной сдержанности японского народа. Впрочем, возможно, это было своеобразной реакцией на вековой стресс, который они испытывали на родине. Кроме того, совершенно неизвестно, каким образом они ведут себя дома, может, наоравшись здесь вволю, вернутся и снова войдут в то же самое вековое русло, и при встрече не станут неистово колошматить друг друга по плечам, а лишь обменяются сдержанными кивками. Добравшись в своих предположениях до последнего вывода, Маруся решила, что она тоже не лыком шита – пора раскрепоститься, а воспитанно будет вести себя по возвращении на родину. Она прыгнула в бассейн и приняла участие в заплыве, и, как ни странно, это оказалось очень весело. Она тоже орала и хохотала вместе с остальными. Потом они фотографировались большой дружной группой на фоне низвергающегося с искусственной скалы водопада: Маша – единственная капустница-белянка посреди этого слаженно копошащегося муравейника. Все широко улыбались в камеру, все-все сделали пальцами букву «V», (кроме Маруси, – она в последний момент застеснялась), в смысле, victory! Даже

лучше, чем это делают самые настоящие европейцы, которые, впрочем, давно уже оставили эту привычку. Но, наверное, японцам об этом просто пока неизвестно. В общем, то был совершенно новый опыт.

Они едва успели вернуться к обеду. Аппетит у нее оказался после всех этих групповых заплывов просто зверский! Она съела и закуски, и первое и второе, и десерт. Добравшись, наконец, до номера, Маша повалилась на кровать и проспала до самого ужина. Можно, сказать, неплохо отдохнула! Правда, немножко слишком. Голова была совершенно дурная. Даже и после ужина она все еще бродила, как пыльным мешком оглоушенная – нет, нельзя днем столько спать. Наотрез отказавшись отправиться в «Золотую Виллу» на вечер, – Арсений поехал туда вместе с японцами, и те клятвенно обещали вернуть его в целости и сохранности – она тихо искупалась в море и потом гуляла одна по парку, понемногу приходя в себя. Заодно пыталась определить, что за растения высажены вокруг. Занятие оказалось непростым, большая часть так и осталась неопознанной, а надо учесть, что Маша вообще-то гордится своими познаниями в этой области. Но все-все было другое, а если и такое же, то слишком большое, а потому неузнаваемое – в каком-то другом уже качестве, чем в горшочке на полке цветочного магазина. Потом она обнаружила на задах дома оранжерею, вернее сказать навес, под которым скрывались от чрезмерных лучей

солнца грядки. А на грядках росли не морковка со свеклой и не какие-нибудь там салат с капустой, а сотни и сотни самых разных орхидей. Фантасмагория цвета! Орхидей было такое несметное множество, что становилось понятным, почему их возможно повсюду разбрасывать не жалея: на столы, на подушки и даже в унитазы.

Маруся засунула свой любопытный нос внутрь, решив, – вряд ли кто-то рассердится, если она осмотрит этот цветник, тем самым расширяя свои ботанические познания. Но буквально в следующий момент поняла, что ошиблась в своем предположении. Наверняка очень даже рассердились бы, если б обнаружили. Маша повернулась и, не смея дышать, на цыпочках вышла вон.

На скамейке, уютно расположенной у деревянной решетки меж двух рабатов с бело-розовыми орхидеями, устроилась целующаяся пара. Оба вели себя чрезвычайно страстно: постанывая, горячо соединившись ртами, обшаривали друг друга жадными руками. Вряд ли в мире сейчас еще что-то существовало, кроме них двоих. Наверное, именно поэтому никто из них и не заметил ее присутствия. Ни Майк, ни Лейлани.

На следующее утро за завтраком, усевшись за крайний стол, Маруся, не в силах устоять перед любопытством, потихоньку за всеми следила: за Майком, за Лейлани и за Брайаном. Похоже, здесь был треугольник... ну или четырех-

угольник, если считать ее мужа. А мужа как-то принято учитывать. Короче говоря, следила за всем квадратом. Хотя, в принципе, это была более сложная геометрическая фигура. Пятиугольник – если с Барбарой. К тому ж с неравными углами: у Барбары уголок явно поменьше, чем у Лейлани. Но Барби пока не было видно, и Маша ограничивалась наблюдением за квадратом, что все-таки несколько проще. Хотя бы углы прямые.

Все трое сидели за разными столами и вели себя совершенно обыкновенно. Обманутый, но явно не подозревающий об этом Ланс варил кофе для всей компании и заодно шутил с японцами, которые с готовностью отзывались хохотом на любую его остроту. Маша вынуждена была признать, что не заметила ни одного подозрительного взгляда: ни от Майка в сторону Лейлани, ни от Брайана, ни наоборот. Впрочем, если подумать, по-другому и быть не могло, об адюльтере не принято сообщать каждому встречному, а тем более мужу. Если б Маша не видела всего собственными глазами, точно ничего бы не заподозрила! Чистая случайность, что ей довелось быть свидетельницей вчерашних событий.

– Я не пойму, тебе в голову, что ли, наконец, пришла мысль, и ты ее изо всех сил думаешь? – поинтересовался Арсений, очевидно заинтригованный ее осторожными взглядами по сторонам. – До вечера, небось, теперь будешь этим заниматься?

– Съешь-ка еще вафлю, – посоветовала Маруся.

– Не могу, – расстроено отозвался братец. – Есть определенные пределы человеческим возможностям... И я их видимо уже перешел.

Во дворике появилась Дебби, она была почему-то еще в халате. Девушка постояла у входа, растеряно поглядывая на завтракающих, потом очевидно что-то решив, направилась прямо к Лансу. Маруся против воли наострила уши: как-никак отсутствует пятый угол. Как бы чего не вышло... Донеслось: не открывает... спальня заперта... изнутри... стучала... никогда раньше...

Ланс нахмурился. Потом переставил турки с раскаленного песка на решетку и пошел вслед за девушкой. Маруся с Арсением, не сговариваясь, поднялись и отправились следом. Остальные, кажется, ничего не заметили либо не захотели замечать.

Дверь с девятью орхидеями – по три в ряд, как на игровой карте – в самом деле, оказалась заперта. Ланс бросил что-то на тайском малютке Пу, который семенил за ними следом, и тот опрометью кинулся обратно по коридору. Скоро он вернулся и протянул хозяину пластиковую карту с одной большой белой орхидеей по розовому полю, очевидно, мастер-ключ, открывающий все двери отеля. Ланс всунул его в щель замка и распахнул дверь. Потоптался у входа, неуверенно позвал – Барбара, вы здесь? Барби, вы не спите? – после чего, нерешительно хмыкнув, жестом пригласил

в номер своих спутников – как если бы он боялся входить один. Так они группой и вошли.

В спальне было душно и темно – плотно задернутые занавеси почти не пропускали света. Ланс пошарил рукой по стене и щелкнул выключателем. Разом зажглись люстра, оба настенные бра и лампа на тумбочке.

Барби не спала... Вернее, нет, она спала, но уже потусторонним, непробудным сном. Девушка лежала на кровати с закрытыми глазами, на боку, подтянув ноги к заострившемуся подбородку, обхватив их руками. На подушке у ее головы лежала белая орхидея. Лицо Барбары было серым, пепельно-серым – особенно по контрасту со снежно-белым цветком. Черные кружевные трусики и лифчик – все как из ужасной детской страшилки: в черной-пречерной комнате, в черном-пречерном гробу лежала черная-пречерная...

Дебби сдавленно охнула, потом издала горлом громкий булькающий звук и выбежала, зажав рот рукой.

– Ну ни фигя себе! – охнул Арсений, потом пробурчал: – Явный передоз. Глюки forever...

– Что «навсегда»? – ухватился за последнее понятное ему слово Палмер. – Что вы там такое говорите?

– Я говорю, наркоманкой она была, – отозвался Арсений уже по-английски. – Я видел снимки подобных смертей в Интернете. Передозировка.

– Не может этого быть, – почти выкрикнул Ланс. – Она хорошая девочка! Я знаю ее родителей!

– Я тоже знаю многих родителей, – пожал плечами Арсений, – это еще не рекомендация.

– Боже мой... и что же я им скажу?

– Вы не виноваты, – вмешалась Маруся. – При чем здесь вы?

– Но я не уследил... Я должен... я должен был...

Арсений подошел к кровати, заглянул в лицо и провел рукой по серому плечу мертвой девушки.

– Не трогай ее, – истерически взвизгнула Маша. – Ты с ума, что ли, сошел?

– Я же вымою руки, – недоуменно оглянулся на нее брат.

Это прозвучало ужасно. Еще вчера живая и теплая, сейчас девушка вызывала только жуть. Марусе стало стыдно.

– Нужно кого-то вызвать, – смущенно пробормотала она. – Врача... нет, зачем врача... Здесь есть полиция?

– О, да, – почти застонал Палмер. – Полиция существует в полном объеме... Нет, этого просто не может быть!

– Только звоните не отсюда, – посоветовал Арсений. – Мало ли, им потребуются отпечатки. Вдруг это убийство.

Ланс дико на него взглянул и, едва не сбив с ног испуганно замершего у дверей малютку Пу, ринулся прочь из комнаты.

– Придется ждать здесь, – недовольно вздохнул Арсений, – все кроме нас сбежали. Не можем же мы оставить ее здесь без присмотра... – он обвел комнату глазами. – О, ее ноутбук! – оживленно добавил подросток, подходя к тумбочке. – Я пока посижу с компьютером, вы не возражаете?

А чтобы отпечатки, не дай бог, не смазать, я возьму его вот этим шарфиком, да?

Маруся буквально потеряла дар речи: непонятно даже было, как на подобное реагировать. Вытаращив глаза, она оторопело следила за тем, как брат, обернув руку шелковым платком умершей, перенес компьютер на журнальный столик, открыл его, а сам уселся на диван рядом. Карандашом включил его и уставился в экран, время от времени, пробегая тем же карандашиком по клавишам клавиатуры. Все происходящее с каждой минутой все более смахивало на чрезвычайно неприятный сон... потому что, кажется, только в таком, чрезвычайно странном и неприятном сне возможно путешествовать по Интернету, когда в двух метрах от тебя лежит мертвая девушка! Неужели у нее не брат, а чудовище?

Правда, уже спустя десять минут брат все же потерял интерес к компьютеру, очевидно обстановка была слишком уж удручающая, даже для него. Выключил ноутбук, после чего поставил его на старое место. Руку при этом он снова завернул в платок, который тоже вернул ровно туда же, где тот лежал прежде.

– Мне вдруг пришло в голову, что на самом деле достаточно закрыть дверь на замок, а Пу посторожил бы снаружи, как вы думаете? – поинтересовался Арсений.

Маруся с благодарностью ухватила за это предложение, честно говоря, она физически уже не могла здесь дольше находиться. Кондиционер почему-то не работал, и воздух

буквально с каждой следующей минутой становился все более тяжелым. Казалось, она даже ощущает сладковатый запах, какой издает разлагающаяся плоть, хотя этого, наверное, быть еще не могло. Но отвязаться от неприятной мысли оказалось невозможно.

Пу, кажется, тоже был рад оказаться вне мертвецкой, помеченной снаружи девятью белыми орхидеями. По крайней мере, он вроде даже улыбнулся им вслед, привычно сложив руки у груди.

Оказавшись в своем номере, Маша первым делом ринулась в ванную. Залезла под душ и довольно долго стояла под прохладными струями, приходя в себя – хотелось смыть отрицательную энергию, которой, казалось, было пронизана комната умершей. Когда, обернув мокрую голову полотенцем, наконец, вышла, обнаружила брата в той же позе, в которой его оставила. Тот как плюхнулся на диван, так за это время и не сдвинулся с места.

– Теперь, наверное, даже ты не станешь отрицать, что смерть ходит по моим следам, – опершись спиной о стену, Маша нервно накручивала на палец поясок халата. – Видишь, не успела приехать... Там, где я, люди мрут, как мухи, это уже совершенно очевидно. Сколько погибло на Ялосе... Можно сбиться со счета, если посчитать их всех.

– Новый приступ шизофрении, – сумрачно констатировал брат. – И вот явился Ангел Смерти! Как известно, мания ве-

личия – один из симптомов этой неприятной болезни. Мне только непонятно, почему ты думаешь, что горбатая таскается именно за тобой? Чем я-то хуже, а? На самом деле, надо посчитать всех: тех, кто помер в моем присутствии, тех, кто – в твоём, и сравнить полученные результаты. А уж потом делать выводы!

Маруся задумалась, подобная идея как-то не приходила ей в голову. Она даже немного приободрилась: может, все-таки не из-за нее?

От звонка телефона вздрогнули оба. Это был Палмер, он просил их спуститься вниз – прибыл офицер полиции, и хочет всех опросить.

Когда они появились все уже сидели за столами, с которых так и не убрали посуду после завтрака. У фонтана застыли два тайца, один, очевидно, штатский, в светлых брюках и полосатой веселенькой рубашке, другой был одет в полицейскую форму. Вид у последнего был весьма строгий, голова высоко задрана, брови насуплены, но выглядел он все равно как-то несерьезно: как если бы форму одели на ребенка, и он, играя роль взрослого, немного переигрывал. Впрочем, по тому насколько вибрировал хозяин гостиницы в его присутствии, можно было сделать вывод, что все здесь по-настоящему.

– Теперь все в сборе – сообщил Палмер по-английски. Полицейский кивнул с важным видом и что-то сказал.

– Господина офицера зовут Суксом Сукхапан, меня звать Унг, – озвучил по-английски переводчик.

Все слова были понятны, произношение – вполне приличное, значительно лучше, чем скажем у четверки японцев. Очевидно, он долго и прилежно учился.

– Место происшествия уже осмотрено, тело увезли, комната опечатана, сейчас по установленному порядку будет произведен опрос свидетелей, – продолжал переводить Унг.

Суксом Сукхапан величаво кивнул, когда тот закончил; густые черные волосы его коротко подстрижены, воротничок голубой рубашки великоват для воробыиной шейки, и к тому же морщит под синим форменным галстуком. Пятиклассник, которому доверили провести урок у старшеклассников.

– Сейчас каждый скажет, когда он видел покойную в последний раз, – добавил Унг.

Суксом тем временем достал из коричневой сумочки блокнот и приготовился записывать.

Как выяснилось в следующие несколько минут, все присутствующие видели Барбару вчера за ужином. Дебби рассталась с ней в половине восьмого вечера, после чего укатила на свидание в «Золотую Виллу». Домой не возвращалась, приехала только сегодня утром. Хотела разбудить подругу, чтобы вместе пойти завтракать, но та не отвечала на ее стук. Тогда она спустилась за хозяином, и уже вместе с ним они обнаружили тело... Знала ли Дебби, что та принимает наркотики, по всей видимости, героин? Героин!? Та выкатила

на них свои голубые глаза. Нет, конечно, нет! Правда, последнее время Барби иногда казалась странноватой, но предположить подобного Дебби, конечно, не могла, она уверена, та ей сказала бы... Не могло ли это быть самоубийством, не было ли у ее подруги неприятностей?

– Нет, безусловно, не самоубийство! – убежденно воскликнула Дебби. – У нее совсем другой характер! Она умеет... умела... справляться с проблемами, – тут она мрачно покачала головой. – Кое-что похуже...

Суксом заметно заинтересовался.

– Я ей говорила, не надо этого делать... не смей! – почти взвизгнула Дебби. – Мы ездили на экскурсию в монастырь – в Ват Пра Тонг, ну вы знаете... храм Золотого Будды. Лежащая статуя полусасыпана землей. Известно, что все кто пытались откопать его, так или иначе погибали. Древнее проклятие. Поэтому до нашего времени он так и засыпан. А Барби... дурочка... взяла да и отгребла от статуи в одном месте песок... Я ей сразу сказала, ты с ума, что ли, сошла? Разве можно так шутить, это плохо кончится! Она только посмеялась. И вот, результат не заставил себя долго ждать... А мы были там всего неделю назад!

Если полицейский и был разочарован, то виду не подал, впрочем, вполне возможно, он тоже посчитал это достоверной причиной.

– Что еще можете сообщить? – требовательно обвел глазами присутствующих полицейский.

Все молчали.

Тогда Маша решила, что пора вмешаться; возможно, чужие переживания и не были ее делом, пока девушка была жива, но теперь... Кто-то должен о ней позаботиться.

– Я заметила, она была очень расстроена вчера утром, – глядя прямо перед собой, наконец, проговорила она. – Мне кажется, Барбара поссорилась со своим молодым человеком.

Брайан при этих ее словах переменил позу: сложил перед собой на столе руки и закинул ногу на ногу. Поза блокировки: скрещивая руки или ноги, человек неосознанно закрывается от окружающих.

– И кто же был этот молодой человек, вы не знаете? – устали переводчика Унга поинтересовался офицер Суксом Сукхапан.

– Я видела Барбару и Брайана в одном из ресторанов «Золотой Виллы». Они танцевали. Кстати, я была не одна, и мой знакомый сможет это подтвердить... По их поведению было очевидно, что отношения у них весьма близкие... Насколько близкие, я, конечно, знать не могу.

Суксом удовлетворенно кивнул.

– Почему вы сами не сказали об этом? – требовательно повернул он голову в сторону упомянутого молодого человека.

– Как справедливо заметила мисс, – усмехнулся Брайан, – мы с Барбарой поругались, и я ничего не знаю о ней с тех пор, как это произошло.

– Ну да, такой долгий срок, – пробормотала Маша. – Целый день ведь прошел...

– Почему вы с ней поругались? – поинтересовался Сукхпан. – Была какая-то причина?

– Причина безусловно была... – пятерней нервно взъерошив светлые волосы, кивнул тот. – Я, конечно, мог бы сказать, что она мне надоела, повстречал другую... Но, наверное, в подобной ситуации лучше сказать правду. В тот вечер я узнал, что Барбара принимает героин. Собственно, она сама мне об этом сказала... Для меня это абсолютно неприемлемо. Порвал с нею сразу же.

– И вы не пробовали уговорить ее бросить наркотики?

– Вы смеетесь, – фыркнул тот, – даже и не пытался! Уговорить человека, принимающего героин, оставить это занятие, все равно что просить... я не знаю... тучу с неба лить на землю не воду, а, например, красное Бургундское вино! Это в принципе невозможно.

– Но ведь кто-то же бросает, – негромко вставила Маруся. – Манна небесная иногда все же сыплется...

Ей было ужасно обидно за несчастную Барби, которую вот так, не раздумывая, оттолкнули. А ведь она собственными глазами видела, насколько та была счастлива, когда этот белобрысый мерзавец нашептывал ей в уши что-то сладко-медовое! Разрушился прекрасный замок Барби... пусть он с самого начала и был на песке. Конечно, она могла решиться на самое страшное.

– Не знаю, в специальной клинике, может быть, – жестко возразил Брайан. – А так просто... Никогда не слышал.

– Никто больше ничего не может добавить?

Ничего. Суксом обвел в очередной раз пристальным взглядом всех присутствующих и устами Унга сообщил, что на сегодня он закончил. Кивнув на прощание, полицейский повернулся и вышел в сопровождении своего переводчика.

Маша осталась сидеть на своем месте – совершенно опустошенная. Сначала ушли немцы, потом поднялась Дебби, глаза ее были полны слез: прошел шок, она, наконец, осознала потерю, и теперь начнет оплакивать подругу. Проходя мимо Брайана, Дебби враждебно на того взглянула. Брайан мотнул головой: мол, пошли бы вы все подальше! С шумом отодвинул стул и – руки в карманах – демонстративно неспешно пересек дворик, направляясь к выходу в парк. Четверка японцев сидела, понуро сникнув головами. Первым очнулся Тоши. Он вынул из стоящей на столе вазы веточку орхидеи и, ни слова не говоря, преподнес ее Марусе. Та, вымученно улыбнувшись, поблагодарила, но про себя подумала, что отныне орхидеи, и особенно белые, будут ассоциироваться у нее с одним воспоминанием, – со страшным серым заострившимся профилем на подушке – и с этим уже, наверное, ничего не поделать.

– Ты молодец, Машка, – похвалил брат, когда они вернулись вверх, в номер. – Дура дурой с виду, а нормально

выступила. Так ему, паразиту, и нужно! Только я не пойму, где же я был в то время, пока ты добывала агентурные данные?

Маруся усмехнулась.

– Брызгая слюной от возбуждения, обсуждал с инопланетниками перспективы развития цифровых технологий.

– «Туше»! – кивнул Арсений; в смысле, уколола. Потом задумался. – В целом вырисовывается довольно-таки интересная картина... – после паузы проговорил он. – Думаю, он ее и прикончил... Брайан.

– Ой, да брось, ты! – отмахнулась Маша. – Почему сразу убийство? Она сама все сделала... С горя... Брайан, конечно, самый настоящий мерзавец... В принципе, ведь можно привлечь человека за «доведение до самоубийства»? Но ты сначала, поди, докажи, что это не обычная передозировка, как ты сам, кстати, подумал, когда ее увидел! И, между прочим, действительно, нет подтверждения обратного! Может, в самом деле, ошиблась, перебрала! Если бы существовала записка или хоть что-нибудь... Устное свидетельство...

– Вот поэтому-то и надо доказать, что это убийство, – серьезно заключил подросток. – И я этим займусь. Не уверен, что этот коротышка по имени «С Уксусом» справится сам – без моей квалифицированной помощи.

– Нет, только не это! – взмолилась Маша, – Второго раза я не переживу! Мы же приехали сюда отдохнуть.

– Ну и как отдыхается? – коварно поинтересовался Арсе-

ний.

– Да не очень, – вынуждена была признать Маруся.

– В том-то и дело. Меня это, по крайней мере, развлечет.

Я уж не говорю, что жалко дуреху.

– Да, жалко...

Арсений недоуменно повертел головой.

– Знаешь, я раньше думал, что на английском языке слово «дебил» произносится как-то по-другому, иначе не существовало бы такого странного сокращения для милого девичьего имени. Так нет, специально смотрел в словаре! – произносится так же как и у нас. Правда, с ударением на первый слог... Как ты думаешь, Дебби в самом деле такая дебилка, какой она хотела нам показаться или, все-таки, прикидывается? С этой дурацкой историей про закопанного Будду...

– Зачем бы? – удивилась Маруся.

– Вот и я думаю, зачем... И вправду ли она ну совсем ничего не знала ни о Брайане, ни о наркотиках? Странновато, да? Если учесть, что они жили практически в одном номере, как мы с тобой. Ты заметила бы, если б я принимал героин, как считаешь?

– О, да! Можешь не сомневаться! – уверила его Маша.

– Мне тоже почему-то так кажется... «О, скорей пронзи меня своей иглой, святой Морфей! И даже, сделав это сотню раз, услышишь от меня лишь благодарность!»

– Это что еще за бред? – сурово поинтересовалась Маруся.

– Цитата из Жуль Верна, мой вольный перевод. Обнару-

жил в компьютере Барби.

– Да? – удивленно подняла брови Маша. – А что еще ты там нашел?

Подросток, наморщив лоб, уставился куда-то прямо перед собой.

– «Если бы мы могли вдохнуть либо проглотить нечто, какое-то средство, обладающее способностью на пять или шесть часов в день унять наше неизбывное одиночество», – он будто считывал текст с невидимого листа, – «средство способное привести нас в гармонию со всеми окружающими людьми в сияющей экзальтации любви и сделать жизнь во всех проявлениях не просто стоящей того чтоб жить, но сделать ее божественно прекрасной и значимой... и если бы это небесное, преобразующее весь мир лекарство оказалось таковым, что мы проснулись бы на другое утро с ясной головой и без ущерба для здоровья, кажется мне, все наши проблемы (ни в коем случае не та крошечная, как доставление себе нового наслаждения!) оказались бы полностью решенными, и земля стала бы раем». Альдус Хаксли, годы жизни: 1894—1963... По крайней мере, так там было написано, может она и ошиблась с датой, не знаю, не проверял.

– Боже, ну и память у тебя! – поразились сестра. – Зачем тебе компьютер, ты сам как машинка! Но, конечно, это окончательно и бесповоротно доказывает, что девушка была наркоманкой. Так просто не ведут подобных записей.

– Да... И весьма даже интеллектуальной наркоманкой.

Не всяк, знаешь ли, прежде чем в кайфе отрубиться, выписывает цитаты из классиков.

– Это ее, к несчастью, не спасло.

– «Пусть я умру молодой, но это все равно, что целовать самого Господа Бога!» – протяжно, в нос, проговорил Арсений. – Тоже цитата.

Маруся даже передернулась.

– Достаточно! У меня мурашки по коже! Своего она добила, это точно... Умерла молодой.

– Там еще много всего!

– Нет, хватит! Жуть берет! Я лично предпочитаю гулять на рассвете, например, по реке... тоже кажется, будто прикасаешься к чему-то божественному. Скажи лучше, что ты собираешься предпринять?

– Как и раньше Машенька, как и раньше. Больше общаться с людьми. Они ведь такие болтливые! Впрочем, что я тебя учу, ты же у нас в этом деле первый специалист. Как ты сама хвасталась, по сбору информации тебе нет равных!

– Когда это я могла сморозить подобную глупость? – искренне удивилась Маруся.

– Да было дело, – усмехнулся братец.

Глава 3

День, начавшийся с такой трагедии, по определению уже не мог выправиться. Уныние грозовой тучей повисло над «Белой Орхидеей», и хотя солнце сияло с обычной немереной силой, свет вокруг казался будто приглушенным – в конце концов, мир дан нам в ощущениях. А ощущения были не самыми приятными: неловко принимать солнечные ванны, когда знаешь, что в небытие ушла совсем молоденькая девушка, лишь вчера еще сидевшая за одним с тобой столом. Ланс и Лейлани Палмер тоже выглядели подавленными, хотя и изо всех сил пытались это скрыть. За ужином Ланс объявил, что наутро состоится поездка к островам Ко Пи-Пи, красивейшему месту на земле, по мнению большинства там побывавших. Необходимо на что-то переключиться. Приглашаются все желающие.

Желающих оказалось на удивление много. Казалось, после случившегося люди начнут сторониться друг друга, но нет. Почти все хотели ехать, кроме Дебби-Деборы, которая, по обыкновению, укатила за каким-то делом. Погода с утра, естественно, не заладилась, впрочем, всем отлично известно, чтобы, к примеру, наутро пошел дождь, нужно всего лишь собраться в поход. Какие действия требуется произвести для того чтобы, наоборот, дождь кончился, к сожалению, до сих пор не выяснено.

Нет, не то чтобы погода совсем уж была плохая: солнце, конечно, никуда не делось, оно по-прежнему сияло на небосклоне, но с моря подул довольно-таки сильный ветер, другими словами, с утра штормило. Но заказанный катер уже покачивался у причала, а его команда готова была отплыть в любую минуту, собственно, команда всего-то и состояла, что из двух местных молодых парней: Анитры и Тука, да мальчика лет четырнадцати – наверняка им было бы обидно потерять свой дневной заработок. В общем, решили ехать: все уже настроились на путешествие.

Наконец погрузились – ждали только Габби, и то недолго, не более пятнадцати минут, она забыла средство для загара, а это нешуточно: что если за время отдыха бедняга не успеет превратиться в негра, какое будет разочарование! Отдали швартовы. Мощный двигатель с серебристой надписью Toshiba по черному полю, взревев, сорвал катер с места и оставил звук позади – так он и болтался всю дорогу за кормой – тише, громче. Ветер налетал и приносил с собой брызги и свежесть, наверное, с ветром-то даже лучше путешествовать, не так жарко. Все расселись сообразно со своими представлениями об удобстве, кто на палубе под натянутым тентом, кто внизу – в небольшой каютке. Мальчик Том (на самом деле его, конечно, звали как-то совсем иначе, но так он представился) разносил напитки и фрукты. Бутылки и банки хранились у них в переносных холодильниках.

ках, толстостенных пластмассовых ящиках с колотым льдом. Фрукты лежали в больших плетеных корзинах.

Брат с сестрой расположились на корме, чтобы ничего не пропустить. Есть после завтрака не хотелось, но фрукты выглядели настолько заманчиво!

– Возьми-ка у него еще несколько рамбутанов, – попросил Арсений. – Вон тех мохнатеньких ежежиков... Вкус – удивительный... ни на что не похоже!

– Слушай, ананас, просто фантастический! – Маша безуспешно пыталась прикрыть подол сарафана салфеткой от капающего сока. – Одно плохо: чтобы его есть, нужно предварительно раздеться.

– Ты же знаешь, я не люблю кислятину, у меня губы от него разъедает.

– Нет, я тебя прошу, попробуй... мы с тобой, оказывается, ни разу еще не ели настоящий!

Это, действительно был какой-то иной фрукт: мякоть – темно-желтого, почти оранжевого цвета, нежная и сладкая-пресладкая, ровно с той долей кислинки во вкусе, которая не дает показаться ему приторным. А запах... нельзя передать!

Том ловко разрезал плод вдоль, отделяя ножом его крокодилью шкурку, и надевал длинные дольки на бамбуковые палочки – чтобы можно было держать как леденец. Но капало все равно очень сильно – еще бы, соку в каждом ананасе – примерно на литровую банку. Причем без добавления воды,

сахара и консервантов.

Арсений послушался совета и теперь буквально хрюкал от удовольствия.

– Спелый желудь – всякая свинья слопает, – сообщил подросток по завершении процесса, вытирая руки и лицо о поданную Томом влажную салфетку. – Еще одна цитата, – пояснил он, обращаясь к Палмеру.

Ланс, сидевший с отсутствующим видом на скамейке напротив, потягивал из запотелой бутылки пиво

– Из неизвестного вам произведения, – добавил настырный подросток. – И как же точно подмечено!

– Прошу прощения, не расслышал, – повернувшись к нему, наконец, отозвался Ланс. – Задумался, – он покачал головой. – Удивительно... но ведь и в этом тоже американцы виноваты! – после паузы пробормотал он.

– Согласен, – серьезно кивнул подросток. – Ох, они и понатворили! Но, признаться, мне сейчас трудно уследить за ходом ваших мыслей...

Ланс усмехнулся – уголок его тонкого рта ушел вниз.

– Да все о том же... О последних событиях. Теперь нас взяли на карандаш... Теперь от нас точно не отвяжутся!

– Американцы? – искренне удивился Арсений.

– Да нет, при чем здесь они? Конечно, местные.

– Но вы же только что сами сказали.

– Я в глобальном смыс. Кто все это устроил? Имею в виду «наркоманию, как чуму двадцатого века» – он поболтал пи-

во в бутылке, и из горлышка наверх выползла белая шапочка пены. – Древние шумеры выращивали мак – «хул гил», растение радости, так они его называли... ассирийцы, египтяне – все подряд! Эти знаменитые маковые поля в Фивах... Египтяне продавали опий финикийцам и минойцам, а те уж отвозили в Грецию и Европу. Все употребляли, все им торговали. Александр Македонский донес до Индии. Народы относились к нему как к спасительному, благословенному дару богов! Кто-то лечился настойкой опия – ничто так не облегчает боль, и до сих пор-то ничего лучше не придумали... Великий врачеватель Гален перечислил пару десятков болезней, при которых он показан, включая проказу и эпилепсию... лекарство самого Господа. Кто-то принимал для радости... Марк Аврелий употреблял опий, Гален опять же, Гиппократ... Шарль Бодлер, Эдгар По, Джон Китс... Ах да, Фрейд... Нет, тот, кажется, был все-таки кокаинистом... И, кстати, большим апологетом данного зелья, ничто, мол, так не прочищает мозги... Вот он сколько всего напридумывал с прочищенными-то мозгами! Пока стенка носа или что-то там у него в горле, забыл что именно, не начало растворяться... Тут только оставил он это занятие, испугался, что начинается рак... Да разве всех упомнишь? Так вот, к чему веду... Сколько всего их было, наркоманов? – он поднял указательный палец и требовательно оглядел слушающих. – Их всегда было счетное количество. Вот так-то. Меньше, чем алкашей. А сколько сейчас? В сотни... нет, в тысячи

раз больше! Их десятки, если не сотни миллионов... я просто не знаю точной цифры... да и кто знает? А все почему? – тут Ланс даже нарисовал в воздухе вопросительный знак, поставил внизу жирную точку. – Как только запретили использование наркотиков, признали употребление незаконным, стали за это сажать в тюрьму – в ответ немедленно возник черный рынок. Спрос-то никуда не делся... Ну а как иначе-то? Каждое действие рождает противодействие... И все это, между прочим, опять же происходило не где-либо в безвоздушном пространстве, а в Соединенных Штатах: первый билль о запрете опия вышел 1905 году, а уже в двадцатых в Чайна-Тауне сформировалась мощная подпольная торговля. Родилась собственно наркомафия. Сначала маленькая, но, как всякий ребенок, быстро подросла, подкрепляемая все новыми драконовыми мерами, а уж когда она вымахала в такую дылду, как сейчас, – на весь мир! – побороться с ней практически стало невозможно. Еще бы, с ней связаны самые большие деньги, а где такие деньги, там преступность растет как на дрожжах! Тут уже и политика замешивается, бог знает что... Тебе необходимы наркоманы, как источник твоих доходов, сверхприбылей, и ты их плодишь... плодишь... всевозможными доступными способами! А вот это уже типичный Уроборус, мифический змей, кусающий себя за хвост! Наркоманов все больше, все больше требуется зелья... больше зелья, еще больше наркоманов...

– Не думаю, что ваша точка зрения понравилась бы мест-

ным властям, о которых вы так беспокоились – вмешался краснолицый Гюнтер; тоже с бутылкой пива в руке, он слушал с интересом. – Они борются весьма и весьма даже решительно.

– Предельно решительно, – мрачно кивнул Палмер. – Если не сказать, запредельно! Находят у тебя десять грамм героина – и, прощайте все любимые, расстрел на рассвете! А если это была величайшая ошибка твоей жизни? А если б завтра ты в этом уже раскаялся? А если тебе его просто подсунули, желая расправиться? Поздно, тебя уже нет! Не существует! – Он в недоумении потряс головой. – Почему-то даже с убийцами не так строги... В Португалии уже несколько лет, как отменили уголовную ответственность за употребление любых наркотиков – марихуана, героин, неважно. Лишь бы другим не давал. Желаете вредить себе, вреди! Свобода воли... Сажают лишь торговцев, что правильно. Да, наверное, местным властям не понравилось бы... Но я же не им все это рассказываю, вы-то, наверное, понимаете, что я имею в виду. Естественно я против наркомании, как и каждый нормальный человек. А, кстати, и против алкоголизма тоже. Уж от него народу-то мрет! Правда, практически повсюду это легальный государственный бизнес, и с этим не потягаешься! Но сейчас о другом. Вы знаете, как возник этот самый злополучный Золотой Треугольник, который заполонил героином весь мир?

– Я даже не знаю, что это такое, – признался Арсений.

– Ну как же... По-моему это общеизвестно, – удивился Ланс. – Впрочем, наверное, вы еще слишком молоды... Ну хорошо, еще один краткий экскурс в историю... Горные племена северных районов Таиланда исстари выращивали мак... Кстати, представьте, им и сейчас позволено выращивать его, но только для своих нужд, не на продажу... И когда американцы начали войну против распространения коммунистической заразы в Азии, – он задумался на секунду, потом с интересом оглядел внимательно слушающих Марусю с Арсением, – против вашей экспансии, другими словами... – тут он покрутил головой, – Кажется, они могли бы отыскать угрозу и пострашнее... теперь всем это становится понятно... Ну да ладно, сейчас не об этом... Они стали договариваться с вождями горных племен о поставке им опиума; в этот район входили труднодоступные области Бирмы, Таиланда и Лаоса, что впоследствии и стали называть Золотым Треугольником – еще бы, золото там буквально росло по горам! Американцы снабдили эти полудикие племена разнообразным снаряжением, оружием и самолетами, дабы те могли без помех осуществлять свою задачу... Можете себе такое представить? Как результат – страшная вспышка наркомафии собственно в Соединенных Штатах! Дальше – больше! Деньги же всегда надобны... Ради нужд войны во Вьетнаме даже устроили чартерные самолетные рейсы, которые вывозили опиум из этого района в места переработки, в частности, Марсель. Ну вы знаете, «Французский связной» и то-

му подобное... Как прямое следствие количество наркоманов Америки достигает трех четвертей миллиона человек. И покатилося... Кунг Са, главный наркобарон Золотого Треугольника открывает в Бангкоке самый большой перевалочный склад, который работает теперь исключительно на Соединенные Штаты. В девяностые годы Золотой Треугольник производит уже тысячи тонн героина, можете представить?

– Самое обычное дело, за что боролись, на то и напоролись... – пробормотал Арсений.

– Теперь-то да, конечно, они спохватились! Здесь в Таиланде борьба происходит весьма активно... В Лаосе – там по-прежнему... В Бирме вроде пытаются что-то делать, но тоже так себе... Ну ладно, даже поборолись – поля просто переместились в Афганистан, и дело с концом! Джина-то уже выпустили из бутылки, поди, теперь, загони его обратно...

– Да, – серьезно кивнул Гюнтер, – Самая большая проблема в том, что для того чтобы полностью удовлетворить потребность всего рынка Соединенных Штатов достаточно вырастить мака на десяти квадратных милях... Смешно, да? А мак-то растет практически где угодно!

– Ну вот, сами видите...

– Но должен заметить, нельзя все валить на одну Америку! Как известно, опять же из истории, первый и главнейший наркокартель, занимавшийся опиумной торговлей – это ваша обожаемая Великобритания! А Ист-Индская Компания – величайший монополист! Я понимаю, Британия – далекая

родина всех австралийцев... Тем не менее, ваша расчудесная Англия разнесла эту заразу на всю Поднебесную, между прочим, даже войны вела – Опиумные войны с Китаем, который посмел сопротивляться распространению этого безобразия на своей территории! Нет, они, конечно, и без вас его употребляли с седой древности... «Зелье, достойное самого Будды»... Но не в таких количествах, как это стало выгодно англичанам! И если уж разбираться, первые двадцать две тысячи фунтов опия ввезли в Америку именно англичане! Еще в 1840 году. Просто заплатили пошлину и ввезли...

– С этим никто не спорит! Но, при всем уважении, позвольте все-таки заметить, что тогда это были совершенно другие объемы, и опиум использовался ими как медикамент! Как обезболивающее!

– И время было другое! Не сомневаюсь, сегодня они развернулись бы пошире!

– Если уж вы перешли на личности, должен заметить, что это вы немцы все испортили! – Ланс даже покраснелся от негодования. – Кто выделил из практически безобидного опиума морфин? Кто синтезировал героин? Все ваша немецкая выдумка!

– Морфий – да... А героин синтезировал англичанин. Да, не спорю, наша фирма «Вауер» действительно подхватила его открытие, они ошибочно посчитали, что препарат не вызывает привыкания! Героин замечательно помогал от кашля!

– От кашля! – горько рассмеялся Ланс. – Они ошибочно посчитали... Хорошенькая ошибочка! Пятнадцать лет торговали по всему миру героином, матери спаивали его грудным детям, когда у тех зубки резались... А потом они сделали вид, что ни при чем. Наплодили наркоманов – и скрылись в тумане! А бедолаг между тем начали бросать в тюрьмы! В двадцать пятом году арестовано пятьдесят тысяч наркоманов и двадцать пять тысяч врачей, посмевших выписать им это средство! А нужно было арестовывать ваш расчудесный «Baуer»! Он-то и по сей день в порядке! Процветает!

– А в наше прогрессивное время наркотики продают по Интернету, знаете об этом? – ввернул подросток.

Оба на него уставились с недоверием.

– Ну вот, – наконец отреагировал Палмер. – Чувствуете, чем это может закончиться? И только Великобритания, подчеркиваю, в наши дни, не в позапрошлом веке! – единственная ввела программу по радикальной борьбе с расползанием этой чумы! Все английские наркоманы получают героин бесплатно, вот так-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.